

СССР.1)
1553

242709-8

А. Д. БЕСЛЕНЕЕВ
И. М. ШАМАНОВ

Очерки истории хозяйства и хозяйственного быта горцев Кубанской области

ЧЕРКЕССК — 1972

А. Д. БЕСЛЕНЕЕВ
И. М. ШАМАНОВ

Очерки
истории хозяйства
и хозяйственного
быта горцев
Кубанской области

Вторая половина XIX века

КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕССКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
СТАВРОПОЛЬСКОГО КНИЖНОГО ИЗДАТЕЛЬСТВА
ЧЕРКЕССК — 1972

СКОТОВОДСТВО ГОРЦЕВ КУБАНСКОЙ ОБЛАСТИ (1860—1900 гг.)

Животноводство в пореформенный период было одним из основных занятий адыгов, карачаевцев, абазин и ногайцев, проживавших на территории Кубанской области. Исследователи, которые описали хозяйство горцев в XIX в., отмечали большое количество у них лошадей, крупного рогатого скота, овец, коз и буйволов. Еще в самом начале XIX в. историк С. М. Броневский писал: «Черкесы держат многочисленные стада рогатого скота и овец»¹. В 30-х годах XIX в. Дюбуа-де Монпре утверждал, что у горцев было много скота, лошадей, коров и особенно коз. Некоторые богачи имели по несколько тысяч овец и до 500 коз². «Скотоводство велось в огромных размерах»³, — говорил И. Клинген. «Главное богатство карачаевцев заключается в скоте»⁴, — отмечал В. М. Сысоев.

Такое большое внимание скотоводству у горцев в дореформенный период объяснялось не только его исключительно важным значением в жизни, но и тем, что в некоторых районах, как, например, в Карачае, почвенно-климатические условия больше способствовали развитию скотоводства, чем земледелия.

¹ С. М. Броневский. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе, ч. II, М., 1823, стр. 136.

² Дюбуа-де Монпре. Путешествие вокруг Кавказа, т. I, Сухуми, 1937, стр. 145.

³ И. Клинген. Основы хозяйства в Сочинском округе. СПб., 1897, стр. 3.

⁴ В. М. Сысоев. Карачай в географическом, бытовом и историческом отношении. СМОМПК, вып. 43, Тифлис, 1913, стр. 80.

Скотоводство обеспечивало горцев не только продуктами питания и тягловой силой, но и сырьем для изготовления одежды, обуви и постельных принадлежностей. Кроме того, продукты скотоводства имели хороший сбыт за пределами области. Широкое развитие скотоводства обусловило и тот факт, что в дореформенные времена скот по сути дела играл роль денег и был основным платежным средством при торговых сделках, уплате калыма и т. д.¹.

Почти до середины XIX в. скотоводство более всего было развито в плоскостных районах Адыгеи и Черкесии, чем в горных, а горный Карачай является районом исключительно скотоводческим как до реформы, так и после нее. Но начиная с середины XIX в. оно у равнинных горцев значительно сокращается из-за непрекращающейся войны с царской Россией и из-за сильного сокращения пастбищ, и первенствующее положение в разведении скота заняли жители горных районов.

Начавшееся в годы Кавказской войны перемещение скотоводства из равнин в горные районы завершилось в пореформенную эпоху. Теперь плоскостные районы стали специализироваться на производстве товарного хлеба, а горные — на товарном скотоводстве. К концу XIX в. эта специализация стала очевидным фактом.

К началу пореформенного периода горцы имели большие успехи в ряде отраслей животноводства. И одним из них было коневодство.

Коневодство — одно из древнейших и «почетных» занятий горцев Кубанской области². Замечательные качества черкесских лошадей были хорошо известны далеко за пределами Кавказа. «В прежние времена черкесские конские заводы пользовались громкой славой (например, завод князя Рашида), но непрестанные войны... мало-помалу довели до упадка эту несомненно прибыльную отрасль»³, — писал И. Клинген. Эту же мысль в своем очерке повторил К. Ф. Сталь. Он писал: «В прежние времена Закубанский край отличался большим

¹ В. К. Гарданов. Общественный строй адыгских народов. М., 1967, стр. 88.

² ЦГИАЛ, ф. 412, оп. 3, д. 2085, л. 7.

³ И. Клинген. Указ. соч., стр. 61.

богатством в лошадях и рогатом скоте прекрасной породы, но продолжительная война с 1829 года и барантование значительно уменьшили количество скота, а в особенности табунов: многие заводы исчезли, другие сделались ничтожными»¹.

В 1864 году обладателями наиболее крупных табунов в Верхне-Кубанском приставстве были такие представители горской феодальной верхушки, как князь Магомет Лоов, которому принадлежало 14 заводских жеребцов и 200 маток, Туганов Мусса — 24 жеребца и 400 маток, Касаев Казим — 21 жеребец и 300 маток, Абуков Магомет — 14 жеребцов и 200 маток и др.

По Эльбурганскому округу среди карачаевского населения крупнейшими коннозаводчиками были: Крымшамхаловы — 800 лошадей, Байчоров Ожай — 200, Карабашев — 100 и Байчоров Джамбулат — 80 лошадей².

Как уже говорилось выше, затяжная война и резкое сокращение пастбищ привели к сильному уменьшению поголовья лошадей. Но тем не менее в 1878 году у горцев Кубанской области насчитывалось 53 244 лошади³, т. е. в среднем 3,67 лошади на двор. Это количество по отделам распределялось следующим образом:

Отделы	Количество дворов	Количество лошадей (всего)	Количество лошадей на один двор
Екатеринодарский	3410	2901	1,17
Баталпашинский	35424	6402	5,53
Майкопский	14410	5178	2,78
Итого	53244	14481	3,67

Как видно из таблицы, самое большое поголовье лошадей было в Баталпашинском отделе, где на один двор приходилось 5,5 лошади, и меньше всего — в Екатеринодарском отделе; их было в пять раз меньше.

В дальнейшем, не выдерживая конкуренции с овцеводами и притесняемые крупными землевладельцами, коневодчики вынуждены были уступить пастбища всей

¹ К. Ф. Сталь. Этнографический очерк черкесского народа. «Кавказский сборник», т. 21, Тифлис, 1900, стр. 87—88.

² ГАКК, ф. 774, оп. 1, ед. хр. 194, лл. 14, 43.

³ ГАКК, ф. 460, оп. 1, ед. хр. 40, лл. 6—9, 14—17, 28—30.

предгорной полосы им и сократить поголовье лошадей. Так, у горцев в 1887 г. было 43 623 лошади, в 1888 г. — 40 132, в 1889 г. — 34 853, в 1891 г. — 34 053 лошади.

Одновременно с количественным сокращением происходит и качественное ухудшение поголовья. Причины этого — недостаток кормов и слишком раннее использование лошадей на работе¹. Возможно, что такое сокращение не беспокоило бы царских чиновников, если бы горские табуны не являлись главными источниками комплектования строевыми лошадьми казачьих воинских частей, ежегодная потребность которых в конце XIX в. равнялась 5458 лошадей². Это обстоятельство сильно беспокоило кавказскую администрацию и заставляло ходатайствовать перед правительством об оказании помощи горским коневодам. В 90-х годах XIX в. по этому вопросу шла оживленная переписка кавказской администрации с Главным управлением казачьих войск. В одной из записок в Главное управление казачьих войск наказной атаман Кубанского казачьего войска генерал-майор Малама от 19 марта 1894 года всех коневодов Кубанской области делит на четыре группы. Говоря о коневодах-горцах, он пишет: «4-ю группу, самую многочисленную и наиболее бедствующую, составляют коневодчики-горцы. Населяя юго-восточную часть Кубанской области, группа эта ютится в местах по преимуществу малоудобных для земледелия, почему скотоводство вообще, между которым первое место занимает коневодство, составляет главное занятие населения этих мест. В настоящее время коневодство среди них сильно упало, как в количественном, так и в качественном отношении, тем не менее еще и теперь горские табуны могут считаться главным источником комплектования казачьих частей строевыми лошадьми»³.

В заключение своей записки Малама пишет: «Если горскому населению не будут предоставлены льготы в пользовании пастбищами всей нагорной полосы, то горское коневодство падет еще ниже, и казачье население

¹ ЦГВИА СССР, ф. 330, оп. 65, ед. хр. 471, л. 3.

² Там же, л. 34.

³ ЦГИАЛ, ф. 412, оп. 4, д. 2085, л. 7 и об.

останется без лошадей»¹. И в качестве единственного выхода из создавшегося положения он предлагал: «Отдать в исключительное и долгосрочное пользование на льготных условиях частным коневодам свободных казенных земель. Таким образом устранится главная и почти единственная причина упадка коневодства — недостаток свободных пастбищ»². Но на многочисленные записки и проекты о мерах к поднятию коневодства в Кубанской области вообще и у горцев, в частности, Главное управление казачьих войск ответило так: «По вопросу о поддержании частного коневодства Главное управление казачьих войск обращает внимание на то, что иногородним, а в особенности горцам (выделено нами А. Б.) едва ли возможно будет рассчитывать на предоставление им чего-либо из тех 34 000 десятин, которые имеется в виду отвести под коневодство. Ими воспользуются преимущественно коневоды-казаки»³.

Таким образом, горское коневодство не получило никакой поддержки от царского правительства, и коневодчики вынуждены были сами искать свободные земли, которые зачастую находились очень далеко и сдавались в аренду за высокую цену. Так, например, карачаевские аулы Карт-Джурт, Учкулан, Хурзук, которые «считаются главными скотоводами, пробираются на пастбища кабардинцев Терской области, нанимают участки войсковой земли в юрте станицы Красногорской, ютятся по пригорным станицам Баталпашинского и Майкопского отделов, арендуют так называемые «вечные» участки, находящиеся в собственности древних карачаевских дворянских и княжеских семейств, кроме того, перебирались раньше даже в Закавказский край»⁴, — писал ветврач С. В. Ваганов. Далее он приводит количество лошадей, которое содержали на стороне эти три аула в 1897 году: Карт-Джурт — 4188, Учкулан — 4215, Хурзук — 3877 лошадей⁵.

¹ ЦГИАЛ, ф. 412, оп. 4, л. 2085, л. 8.

² Там же.

³ Там же.

⁴ С. В. Ваганов. Значение охрано-карантинной линии по границе Кубанской области с Закавказьем в связи с условиями животноводства в нагорной полосе. «Известия общества любителей изучения Кубанской области», вып. I, Екатеринодар, 1889, стр. 29.

⁵ С. В. Ваганов. Указ. соч., стр. 24.

Бозникает справедливый вопрос: кто же мог арендовать такие большие участки земли под пастбища и содержать столь значительное поголовье лошадей?

Как известно, коневодство требует специального ухода и присмотра за скотом, а также немалых затрат. Поэтому коневодство в пореформенный период было доступно только лишь немногим крупным землевладельцам, сумевшим перестроить свое хозяйство на капиталистический лад, и отчасти молодой сельской буржуазии. Так, по данным Коваленского, крупнейшими коневодчиками аула Учкулан были: Ожай Байчоров, имевший 917 лошадей, из них 430 маток, Джурджир Текеев — 333 лошади, 183 матки, Султан Алботов — 227 лошадей, 117 маток, Давлет-Герий Байрамкулов — 172 лошади, 79 маток, Мазан Шидаков — 139 лошадей, 73 матки, Сосран Джанибеков — 138 лошадей, 79 маток¹.

А самым богатым коневодом в Карачае, по данным В. М. Сысоева, был другой Байчоров, Тенибек Байчоров, который содержал до 1500 лошадей². Таким образом, в Учкулане в 1897 году из 4500 лошадей 3426 принадлежали семи коневодам³, а остальные 636 дворов имели всего лишь 1074 лошади, причем и это количество распределялось очень неравномерно. Так, по данным того же Коваленского, в ауле Учкулан было 60 семей, которые не имели ни земли, ни домов, ни скота⁴.

Таково было положение во всех горских аулах. Огромные табуны принадлежали черкесским, абазинским и ногойским княжеским фамилиям и зажиточной части крестьянства, в то время как основная масса адыгских, абазинских и ногойских крестьян не имела ни одной лошади.

Крупных коневодов-горцев 90-х годов по отделам можно распределить следующим образом:

Майкопский отдел: крупных коневодов, имевших от 20 до 127 лошадей, было 38; мелких, имевших от 5 до 19

¹ Коваленский. Рапорт Его превосходительству и. д. Начальника Кубанской области и наказного атамана Кубанского казачьего войска. ГАКК, стр. 21.

² В. М. Сысоев. Указ. соч., стр. 124.

³ С. В. Ваганов. Указ. соч., стр. 24.

⁴ Коваленский. Указ. соч., стр. 45.

лошадей, — 52. Этим двум группам принадлежало 2451 из 2970 имевшихся в отделе маток.

Баталпашинский отдел: крупных коневодов, имевших от 20 до 800 голов, было 137; мелких — 168. У первых было 7367, у вторых — 2047 из 9669 маток, имевшихся в отделе.

Екатеринодарский отдел: крупных коневодов, владеющих от 20 до 60 лошадей, было 9 и мелких — 5. Эти 14 коневодов владели всеми 307 матками, имевшимися в отделе¹.

Лошади горцев находили сбыт в Кубанской и Терской областях и в большом количестве вывозились далеко за пределы области — в Ростов, Батуми и даже в Полтаву². Продавались лошади в конце XIX в. по цене: кобылицы от 40 до 80 рублей³, производители — до 200 руб., а то и до 500 руб.⁴. Кроме этого, горцы сдавали большое количество лошадей в воинские части. Чтобы довести горских лошадей до 2 аршин и 2 вершков роста, требовавшегося для казачьих лошадей, конезаводчики отбирали лучшие экземпляры производителей, скрещивали с другими породами лошадей. Одним словом, рынок предъявлял такие требования, которые заставляли коневодов улучшать начавшее падать качество лошадей.

«Коневодство... выгодная отрасль хозяйства, так как лошади составляют довольно ценный, требующийся всегда и везде предмет. Коневодство опытным коневодам-горцам дает солидный заработок»⁵, — писал Д. Лагунов.

В начале XIX в. крупный рогатый скот у горцев Кубанской области составлял значительную часть их стада. Коровы у горцев были сравнительно небольших разме-

¹ Конские заводы Европейской России, Кавказа и Тургайской области и исторический очерк их развития. Составил Д. Дубенский. СПб., 1896, стр. 227—228, 229—232.

² Памятная книжка Кубанской области. Екатеринодар, 1881, стр. 93.

³ ЦГИАЛ, ф. 573, оп. 25, л. 475, л. 86.

⁴ ЦГВИА СССР, ф. 330, оп. 65, д. 129, л. 4.

⁵ Д. Лагунов. Несколько слов о культурном развитии горцев Баталпашинского отдела. «Кубанские областные ведомости», 1898, № 27.

ров, давали мало молока, хотя оно отличалось высоким процентом жирности¹.

Тесные экономические связи с русскими, у которых были коровы кубано-черноморской породы, привели к тому, что к началу пореформенного периода крупный рогатый скот горцев, «хотя был еще далек от породистого черноморского крупного скота, много изменился по сравнению с типом горского мелкого скота»². В связи с развитием капиталистических отношений и втягиванием хозяйств горцев в рыночные связи процесс метизации местного скота усиливается. Развивавшиеся рыночные связи подчиняли себе горское хозяйство, заставляя постоянно улучшать породу своего скота. Вытеснение местной породы — кубано-черноморской — произошло у адыгских народов, живших в непосредственной близости от русских и имевших с ними довольно тесные экономические связи, гораздо быстрее, чем у жителей гор — карачаевцев. Но тем не менее, по утверждению ветеринара Атманских, в начале XX в. и у карачаевцев местный скот «можно встретить очень редко; разводится теперь большей частью отродье серого украинского скота»³. При этом надо сказать, что скрещивание местного скота с серым украинским дало новую породу, хорошо приспособленную к местным условиям и более продуктивную, чем местная порода.

Рассматривая роль крупного рогатого скота в хозяйстве горцев, нельзя не согласиться с утверждением В. П. Невской о том, что крупный рогатый скот был главным помощником в труде горского крестьянина, а также его кормильцем, т. к. молочные продукты являлись основным питанием горцев. Горский крестьянин мог обойтись без овец, без лошади, заменив ее ослом или парой быков, но без коров и быков он не был бы хозяином⁴.

Таким образом, незаменимые качества крупного рогатого скота в хозяйстве горца и продолжавшие жить традиции дореформенного периода способствовали тому,

¹ В. К. Гарданов. Указ. соч., стр. 94; В. П. Невская. Карачай в пореформенный период. Ставрополь, 1964, стр. 82.

² ГАКК, ф. 774, оп. 1, д. 35, л. 36.

³ А. Атманских. Животноводство в Карачае Кубанской области (зооигиенический очерк). — «Юго-восточный хозяин», вып. 9, Ростов-на-Дону, 1906, стр. 25.

⁴ В. П. Невская. Указ. соч., стр. 81.

что крупный рогатый скот был почти в каждом дворе. Приведем некоторые цифры. В 1897 году в ауле Новый Бжегокай Екатеринодарского уезда проживало 180 семей, из них: 115 семей зажиточных, имеющих от 10 до 40 голов скота; 43 семьи — от 5 до 10 голов; 14 семей — с 1—4 головами рогатого скота, и только 8 семей не имели крупного рогатого скота¹. В том же ауле и в то же время 80 крестьянских семей были безлошадными.

Эти данные в какой-то мере отражают картину распространенности крупного рогатого скота и его роль в хозяйстве горцев Кубанской области.

Для того, чтобы судить о количестве крупного рогатого скота и об изменениях его численности, рассмотрим данные за 1878 и 1894 годы по трем отделам области²:

Отделы	1878 год			1894 год		
	количество		всего	количество		всего
	коров и гулев. скота	волов		коров и гулев. скота	волов	
Баталпаинский	81747	14137	95884	73174	27912	101136
Екатеринодарский	20687	7639	28326	19395	6908	26303
Майкопский	48985	12662	61647	35968	11800	47718
Итого	151419	34428	185857	128537	46670	175207

Как видно из таблицы, с 1878 по 1894 год количество коров и гулевого скота уменьшилось на 22 882 головы. Сокращение голов крупного рогатого скота объясняется уменьшением пастбищных угодий и частичным переходом населения на земледелие, частыми эпизоотиями болезней, особенно чумы, ввиду полного отсутствия ветеринарных пунктов в начале пореформенного периода и незначительного их количества в конце XIX века. Кроме перечисленных причин, это явление обусловлено еще тем, что горцы, заменяя местную породу коров серой степной, являющейся более продуктивной и более отвечающей интересам рынка, не могли содержать столько скота

¹ ГАААО, ф. 21, оп. 1, ед. хр. 1, лл. 1—16.

² ГАКК, ф. 460, оп. 1, ед. хр. 40, лл. 6—9, 14—17, 28—30. Кубанская справочная книжка на 1894 г. Екатеринодар, 1894, стр. 24—43.

как прежде. Известно, что местная порода скота требовала меньше внимания, скот содержался почти круглый год на подножном корме, за исключением дойных коров. Горский крестьянин мог в этом случае содержать довольно значительное поголовье скота без особых забот. Приобретая в обмен на скот местной породы меньшее количество голов лучшей породы, он не без оснований мог рассчитывать на получение большего дохода за счет его более высокой продуктивности даже при увеличении затрат на его содержание.

За указанный выше период по трем отделам в целом количество рабочих волов увеличилось с 34 438 до 46 670 голов, т. е. на 35,5%, причем увеличение поголовья рабочего скота произошло исключительно за счет Баталпашинского отдела, так как там некоторая часть крестьян перешла от скотоводства к земледелию. Количество рабочих волов в этом отделе увеличилось почти вдвое, тогда как в двух других отделах — Екатеринодарском и Майкопском — стало на 7,8% меньше. Количество волов уменьшилось главным образом из-за «стремления населения заменить рабочих волов лошадьми, как более удобной для сельского хозяйства рабочей силой, и к тому же не подвергающейся чумной эпизоотии»¹.

Такое изменение происходило преимущественно в этих двух отделах, так как в плоскостных районах поля могли обработать лошадьми с большей производительностью, чего нельзя сказать о более гористом Баталпашинском отделе, где было удобнее применять волов.

Хотя ветеринарные посты в Кубанской области были малочисленны и на них не хватало специалистов, к тому же резко уменьшилась площадь пастбищных угодий, все же в 90-х годах XIX века поголовье крупного рогатого скота росло, притом преимущественно за счет коров. Так, в Екатеринодарском отделе в 1898 году у горцев насчитывалось 35 324 головы коров и гулевого скота², т. е. на 9021 голову больше чем в 1894 году, что составляло примерно 25,5% общего количества крупного рогатого скота у горцев этого отдела. А в Баталпашинском и Майкопском отделах, где животноводству уделялось больше внимания, этот рост был еще выше.

¹ «Кубанские областные ведомости», 1893 г., № 39.

² ЦГИАЛ, ф. 573, оп. 25, д. 476, л. 100.

По мере развития капитализма происходит сосредоточение скота в руках кучки скотовладельцев-промышленников. Так, первый коннозаводчик Тенибек Байчоров имел в 1898 году 600 голов крупного рогатого скота, а Давлет-Герий Байрамкулов — 200 голов¹. В ауле Хурзук Даут Джатдоев имел 280 голов². Конечно, многие крестьянские хозяйства не могли конкурировать с ними, ибо у них не было возможности по высоким ценам арендовать пастбищные участки. Вследствие чего, не выдерживая конкуренции, часть крестьянских хозяйств разорялась и превращалась в сельскохозяйственных пролетариев, а более состоятельная часть, имея пару волов, переходила к земледелию и жила только на доходы со своего надела. «Скотоводство, как особая отрасль промышленности, — писал современник, — существует весьма у немногих наиболее зажиточных хозяев: большинство же содержит рабочий и домашний скот в том количестве, какое необходимо для удовлетворения потребностей их быта»³.

Крупный рогатый скот горцев продавался прежде всего в города: Ставрополь, Екатеринодар, Армавир, Пятигорск, Кисловодск, его также отправляли в города юга России. Кроме того, начиная с 1893 года, по данным наказного атамана Кубанского казачьего войска, увеличивается вывоз крупного рогатого скота в Европейскую Россию. Так, в 1893 году через г. Новороссийск туда было отправлено 797 голов крупного рогатого скота, в 1896 году — 8526 голов, а в 1897 году — 14 920 голов и плюс к этому в французский город Марсель — 146 голов. Вообще из разных пунктов области в 1897 году было отправлено 128 804 головы крупного скота⁴.

Большим спросом на рынке пользовалась и кожа крупного рогатого скота. Так, по данным В. М. Сысоева и Г. Петрова, в 1878 г. из трех аулов Карачая (Карт-Джурт, Учкулан и Хурзук) было вывезено 5956 штук кож⁵ крупного рогатого скота. Приведенные данные поз-

¹ В. М. Сысоев. Указ. соч., стр. 124.

² Там же, стр. 127.

³ ГАКК, ф. 774, оп. 1, ед. хр. 36, л. 9.

⁴ ЦГВИА СССР, ф. 330, оп. 65, д. 129, л. 37.

⁵ В. М. Сысоев. Указ. соч., стр. 87; Г. Петров. Верховья Кубани — Карачай. «Кубанские областные ведомости», 1879, № 5.

воляют сказать, что горцы Кубанской области, в данном случае — карачаевцы, продавали кожи крупного рогатого скота в больших масштабах.

С 70-х годов XIX в. у горцев Кубанской области молочное хозяйство приняло явно выраженный товарный характер. Первые попытки организовать в области масло-сыродельное производство на базе горского скотоводства сделал в 1879 году Кирш, который при содействии частных капиталистов и местного начальства устроил там сперва одну, а затем еще две сыроварни¹. Пачатое Киршем дело было продолжено такими капиталистами, как Бландов, Губарев и Чичкин; последний «учредил сыроварни в нагорных станицах Сторожевой, Преградной, Исправной, Зеленчукской и Бекешевской»². К началу XX века в Кубанской области была уже довольно широко разветвленная сеть маслодельных и сыроваренных заводов, которая охватывала почти все отделы области. Эти заводы изготовляли масло, голландский и швейцарский сыры. Но эти сыры вплоть до 1882 года не имели успеха на рынке, и только после того, как в 1882 году на Всероссийской промышленной выставке в Москве сыры были одобрены экспертами и раскуплены «крупными торговцами Москвы и Петербурга по цене 14 руб. 50 коп. за пуд, т. е. за цену, по которой еще не продавался оптом ни один швейцарский сыр русского приготовления»³, они получили признание потребителей и завоевали прочное место на рынке.

Кроме недоверия потребителей, первым предпринимателям пришлось бороться и с недоверием местного населения, которое отнеслось к этому делу подозрительно. «Но в настоящее время, — писал заведующий Единоновской школой молочного хозяйства Верещагин в 90-х годах XIX в., — местные жители все более и более сознают потребность в устройстве заводов швейцарского сыра и сами уже обращаются с просьбой об устройстве таковых в их селениях»⁴.

Сыры, которые производились на заводах Кубанской

¹ ЦГИАЛ, ф. 398, оп. 47, ед. хр. 15347, л. 3.

² ЦГИАЛ, ф. 573, оп. 25, л. 474, л. 107.

³ ЦГИАЛ, ф. 398, оп. 47, ед. хр. 15347, л. 3 и об.

⁴ Там же, л. 30 и об.

области, вывозились не только в центральные города России, но и за границу. «Мы не только удовлетворяли чештером и голландским сыром свое внутреннее потребление, но избыток этих сыров вывозили за границу, в особенности в Англию, — говорил Верещагин, — где наши сыры (честера) не раз бывали награждаемы медалями на молочных выставках и получали права гражданства на тамошних рынках»¹.

Если до возникновения маслосырзаводов у горцев Кубанской области молоко шло в основном только на удовлетворение своих потребностей, то после их возникновения его начали производить и для сбыта. По подсчетам Верещагина, 1 пуд местных сортов сыра продается за 1 руб. 50 коп. или 2 руб., следовательно, за 1 пуд молока население выручает 10—15 коп. (из расчета 10 пудов молока на 1 пуд сыра) и средний годовой доход от одной коровы составляет 4—5 руб. Теперь, при новом методе переработки молока, появляется возможность увеличить доходность той же коровы в 4—5 раз, т. е. возвысить ее с 5 руб. до 15—20 рублей, что представляет значительное увеличение дохода, особенно для владельца большого числа голов скота.

Естественно, выгодность породистой коровы не могла не побудить у населения желания увеличить поголовье и улучшить качество своего домашнего скота. И горцы стали больше приобретать коров более продуктивных пород. В конечном счете это сказалось на увеличении поголовья коров у горцев Кубанской области. Например, в ауле Новый Бжегокай Екатеринодарского отдела в 1894 году было 166 дойных коров², а в 1898 году их стало 508 голов. Аналогичной была картина и в других аулах Кубанской области.

Немалый доход получали и сами предприниматели. Для того, чтобы выяснить, какие доходы получали предприниматели, возьмем для примера завод, выпускающий в год 3000 пудов сыра, а такое количество давал почти каждый завод Кубанской области.

Итак, предприниматель за 3000 пудов сыра, продавая его в среднем по 10 рублей за пуд, получал 30 000 руб-

¹ ЦГИАЛ, ф. 398, оп. 47, ед. хр. 15347, л. 3 и об.

² Там же, л. 18.

лей. Кроме того, за 150 пудов масла (примерно столько производил завод) имел еще 2100 рублей, и весь его валовой доход составлял 32 100 рублей¹. Из этой суммы издержки производства составляли 15 300 рублей. И эта сумма распределялась так: сыровару — 600 рублей, рабочим как постоянным, так и поденным — 900 рублей, на орудия и припасы для сыроварения — 400 рублей, на провоз до станции железной дороги 330 рублей (11 коп. с каждого пуда), на покупку молока (30 000 пудов по 40 коп) — 12 000 рублей, на погашение $\frac{1}{10}$ части стоимости сыроваренного завода — 700 рублей, на аренду места под сыроваренный завод — 100 рублей и, наконец, на разные мелкие расходы (топливо, освещение и пр.) — примерно 270 рублей. А чистый доход предпринимателя составлял 16 800 рублей², или 56 копеек с пуда молока. Таково было примерное соотношение прихода и расхода маслосырзаводов в Кубанской области, свидетельствовавшее о том, что заводчики за счет дешевой скупки молока и нещадной эксплуатации наемных рабочих получали большую прибыль.

Выше приводились высказывания С. М. Броневского о том, что «черкесы держат многочисленные стада рогатого скота и овец», и Дюбуа-де Монпре, который утверждал, что у горцев было много скота — лошадей, коров и, в особенности, коз. В первом случае имеются в виду плоскостные районы, а во втором — горные районы. Конечно, думать, что горные районы занимались только козоводством, а плоскостные — овцеводством, было бы неправильно. Здесь речь идет о преобладании того или иного вида скота в плоскостных и горных районах.

В первой половине XIX в. коз было много как в плоскостных, так и в горных районах Кубанской области. Известный кавказовед-этнограф Хан-Гирей, подчеркивая распространенность коз, писал: «Не только хозяева как многочисленных, так и небольших стад овец имеют коз, но даже не имеющие вовсе овец, распложают их»³. Таким образом, у горцев, хотя в разной степени, но козы были

¹ Л. В. Македонов. В горах Кубанской области. Воронеж, 1908, стр. 110.

² Л. В. Македонов. Указ. соч., стр. 110.

³ Хан-Гирей. Записки о Черкесии, ч. II, ЦГВИА, ф. 38, оп. 30/286, св. 839, 1836, л. 45 об.

распространены повсюду, причем они восполняли недостаток в овцах и коровах у беднейших горцев, снабжая их мясом, молоком и кожей¹.

Со второй половины XIX века в связи с проникновением товарно-денежных отношений в хозяйство горцев и с превращением горского овцеводства в товарное количество коз значительно сокращается: уступает место овце. Так, в 1872 году горцам Майкопского отдела принадлежало 7616 коз², через год, в 1873 году, стало 5379, т. е. уменьшилось на 2237 голов³, а к концу XIX века во всех трех отделах козы почти полностью были заменены овцами.

В 80-х годах горцы начали приобретать тонкорунных овец, численное соотношение которых к традиционным породам было весьма незначительно. О чем свидетельствуют статистические данные за 1878 и 1899 гг.⁴:

Отделы	1878 год		1894 год	
	местные	тонкорунные	местные	тонкорунные
Баталпашинский	338762	—	341711	15224
Екатеринодарский	29916	—	16342	2115
Майкопский	67868	—	51850	35
Итого	436546	—	409913	17374

Как видно из таблицы, из всего поголовья местных овец, принадлежавших горцам в 1878 году, только 22,3% приходилось на долю Екатеринодарского и Майкопского отделов. А к 1894 году соотношение еще более изменилось в пользу Баталпашинского отдела, доля которого в общем поголовье местных овец поднялась с 77,7% в 1878 году до 83,3% в 1894 г. Здесь же сосредоточилось почти все вновь возникшее поголовье мериносов. Конечно, думать, что эти цифры полностью отражают истинное положение овцеводства горцев, было бы неверно, тем более,

¹ В. К. Гарданов. Указ. соч., стр. 91.

² Обзор Майкопского уезда за 1872 г. «Кубанские областные ведомости», 1873 г., № 19.

³ ГАКК, ф. 460, оп. 1, ед. хр. 16, л. 234.

⁴ Там же, ед. хр. 4, лл. 6—30; Кубанская справочная книжка на 1894 г. Екатеринодар, 1894, стр. 24—41.

что в те годы данные зачастую записывались со слов самих владельцев скота, которые умышленно преуменьшали количество принадлежащих им овец. Так как от количества скота зависела плата за аренду земли.

Одновременно с количественным изменением поголовья овец в отделах Кубанской области происходит сосредоточение их в руках отдельных лиц. И начавшееся с 1895 года увеличение поголовья овец происходит главным образом за счет укрупнения отар у зажиточных овцеводов. Так, в Екатеринодарском отделе, в результате роста поголовья овец у овцеводов, в 1894—1897 годах общее число поднялось с 18 457 до 32 212 голов¹. Из многочисленных донесений и жалоб видно, что крупные овцеводы были экономически сильнее коневодов и владельцев крупного рогатого скота, и последние не могли конкурировать с ними. Этому способствовало непрерывное повышение цен на овец и шерсть. Если, например, в 1871 году овца стоила от 4 до 4 руб. 50 коп.², то в конце XIX в. она стоила от 7 до 7 руб. 50 копеек и пуд шерсти осенней стрижки — 14—16 рублей, весенней стрижки — 6—8 рублей³. Для своих стад овцеводы скупали «участки офицеров Кубанского войска, а также высочайше пожалованные различным лицам за службу на Кавказе и почетным туземцам, так что они владеют громадным количеством земли в Кубанской области»⁴, — писал в своем отчете в 1880 г. генерал-лейтенант Кармалин.

Большое влияние на превращение горского овцеводства в товарное оказывали предприятия легкой промышленности Юга и Центра России, которые остро нуждались в шерсти, и которым горцы поставляли шерсть. Это приводило к количественному увеличению поголовья овец и замене местной грубошерстной породы тонкорунными. Шерсть местной породы овец применялась, в основном, для изготовления бурок, войлочных изделий, сукна, для набивки подушек и матрацев⁵, а оставшаяся часть являлась предметом широкой торговли. К концу

¹ ЦГИАЛ, ф. 573, оп. 25, д. 475, л. 86.

² ЦГВИА СССР, ф. 330, оп. 39, ед. хр. 50, л. 19 об.

³ Труды I Всероссийского съезда по овцеводству в Москве. М., 1912, стр. 279.

⁴ ЦГВИА СССР, ф. 330, оп. 51, ед. хр. 47, л. 99 об.

⁵ ЦГВИА СССР, ф. 330, оп. 39, д. 50, л. 19.

ХІХ века шерсть частично продавалась на месте обычно по цене около 5 рублей за пуд, а частично вывозилась в другие города, особенно в Ростов, где пуд стоил 6—6 руб. 50 коп.¹. А из Ростова ее отправляли большими партиями за границу, «по преимуществу в Америку, где она употребляется для выделки ковров»². Пуд тонкорунной шерсти в 1894 году стоил от 11 до 12 рублей³. В последующие годы еще более вздорожала тонкорунная шерсть, и разница в цене все больше заставляла горцев-овцеводов заботиться о продуктивности своих овец. Такие попытки были сделаны еще в 80-х годах. Так, в 1881 году в Карачае было уже 15 236 тонкорунных овец⁴. Однако надо сказать, что овцы тонкорунной породы (шпанка) очень плохо переносили горные условия: снежную зиму и влажное лето; шерсть теряла свои лучшие качества, грубела, и в конце концов овцы погибали. Поэтому приобретать и разводить тонкорунную породу овец могли только жители плоскостных районов. Горный же Карачай, после неудачных попыток развести тонкорунных овец, отказался совсем от них. И если в 1894 году, по данным Кубанской справочной книжки, в Карачае было 15 224 тонкорунных овцы, то в начале XX века их совсем не осталось. Равнинные районы, наоборот, с каждым годом увеличивали поголовье тонкорунных овец.

Товарность овцеводства прежде всего выражается в продаже овец и шерсти, количество которых с каждым годом возрастало. Если мы возьмем Карачай как чисто скотоводческий район, то процент роста продажи мелкого рогатого скота выражается следующими цифрами: в 1867 году здесь имелось всего 186 085 овец, из которых было продано 10 212, т. е. 5,4%⁵; в начале XX века из 487 470 овец, имевшихся в Карачае, было продано 107 552, что составляло 22%. Кроме того, шли на продажу шерсть, овчины и др. продукты овцеводства. Из Карачая в 1879 году было «вывезено овчин 34 500 штук.

¹ Исследование современного состояния овцеводства в России, вып. 4, СПб, 1884, стр. 218.

² Там же.

³ Там же.

⁴ ЦГВИА СССР, ф. 330, оп. 50, ед. хр. 42, л. 62.

⁵ ГАКК, ф. 452, оп. 1, ед. хр. 605, лл. 24—26.

бурок 16 075 и 3470 штук полстей»¹. За период с 60-х годов до начала XX века доход от продажи скота и продуктов овцеводства возрос со 150 тыс. до 3 307 769 рублей², т. е. более чем в 20 раз.

Правитель канцелярии надворного советника Коваленский в 90-х годах XIX века в своем отчете начальнику области приводит некоторые цифры по экономике местного овцеводства. По утверждению Коваленского, на каждую овцу владелец тратил в год 75—85 копеек (5 коп. — на аренду пастбища, 50 коп. — на сено, 20—30 коп. — на разные расходы)³. Считая эти затраты слишком большими, он заключал: «Если взять все факты за и против овцеводства, как прибыльной отрасли хозяйства, то не должно показаться удивительным то явление, что крупные овцеводы, в сущности, только-только сводят концы с концами»⁴.

Согласиться с Коваленским очень трудно, а если учесть, что к этому периоду цены на шерсть и овец резко повысились: баран теперь стоил — 9—10 рублей, овца — 7—9 рублей, пуд шерсти — 14—16 рублей осенней стрижки и 6—8 рублей весенней, — то картина резко меняется. Так, одна овца осенью давала в среднем 1,5 кг и весной 0,8 кг шерсти⁵. Таким образом, одна овца давала дохода приблизительно 1 рубль 70 коп. — 1 рубль 80 коп. Если из этой суммы вычесть затраты, то получим 0,95—1 рубль чистой прибыли. Конечно, для мелкого овцевода эта прибыль невелика. Но если иметь в виду крупных овцеводов, о которых говорит Коваленский, как, например, Давлет-Герий Байрамкулов, у которого было до 3000 овец⁶, то здесь прибыль окажется крупной. От продажи шерсти с 3000 овец Байрамкулов мог иметь чистой прибыли от 2850 до 3000 руб. Кроме того, сюда надо приплюсовать 6 тыс. руб. — выручку от продажи почти четвертой части отары, т. е. 750 овец по цене в среднем 8 руб. (такое сокращение числа овец в отаре

¹ В. М. Сысоев. Указ. соч., стр. 87; Г. Петров. Указ. соч., стр. 188.

² В. П. Невская. Указ. соч., стр. 80.

³ ГАКК. Рапорт Коваленского, стр. 57.

⁴ Там же.

⁵ Г. М. Постников. Карачаевская овца. Черкесск, 1962, стр. 1—2.

⁶ В. М. Сысоев. Указ. соч., стр. 124.

восполнялось приплодом, который был равен приблизительно 870 головам). В результате Байрамкулов от одних овец, за вычетом затрат на аренду пастбищ и плату за пастьбу (4 пастуха по 3—5 рублей в месяц, или максимум 240 рублей в год), имел чистой прибыли 8610—8760 рублей ежегодно.

Вышесказанное относится к небольшой кучке богатей-скотопромышленников. В противовес этим скотоводам существовала огромная масса крестьян, у которых не было скота. Так, по данным Абрамэвской комиссии, в Карачае, т. е. в главном скотоводческом районе, в конце XIX — начале XX в. 40% крестьян не имели совсем овец. В равнинных районах этот процент был еще больше. Так, по данным Бжегокайского аульного правления, в ауле Новый Бжегокай Екатеринодарского отдела было всего 690 овец на 180 дворов. Из них: 3 хозяевам принадлежало 360 голов, 1 хозяину — 80 голов и 5 хозяевам — 250 голов, т. е. всеми 690 овцами владели 9 хозяев, тогда как остальные (171 домохозяин — 95% всех дворов) не имели ни одной овцы¹. Такова картина и во втором Бжегокае, а также и в других аулах, расположенных на равнине.

Во второй половине XIX века скотоводство у горцев Кубанской области в основном носило экстенсивный характер. Горцы, несмотря на то, что в пореформенный период предпринимали кое-какие попытки к улучшению пород своего скота, все же больше заботились о численном его увеличении; как и прежде, часть скота у горцев почти круглый год находилась под открытым небом, на подножном корме. Продуктивность скота была низкой из-за плохого ухода и нехватки корма в зимнее время. Вследствие чего падеж скота был велик.

Под влиянием развивающегося капиталистического рынка на Кубани у горцев почти не стало коз, зато более интенсивно стало развиваться овцеводство. И хотя первые попытки горцев развести овец тонкорунных пород кончились неудачей, все же стремление населения к улучшению местной породы не ослабевало.

Коневодство в Кубанской области было сильно развито. Говоря о характере коневодства у горцев в поре-

¹ ГАААО, ф. 21, оп. 1, ед. хр. 219, лл. 19—24.

форменный период, В. П. Невская в «Очерках истории Карачаево-Черкесии» правильно отмечает «все меньше оставалось свободных земель под пастбища», но в то же время приходит к неправильному выводу, что «не только приезжие русские коневодчики, но и местные владельцы переходили к заводскому коневодству, разбивали табуны на более мелкие косяки, не требующие больших просторов»¹. Эту же ошибку допускает она и в книге «Карачай в пореформенный период»².

Как известно, под табунным коневодством понимают разведение лошадей в условиях пастбищного содержания круглый год и поэтому требующее меньше затрат, чем на конных заводах, где нужны зооветеринарные знания, особый уход и немалые материальные затраты. В условиях Северного Кавказа, в частности, Кубанской области, земельные просторы позволяли разводить лошадей табунным способом, и владельцам было выгоднее арендовать земельные участки, чем разводить лошадей на заводах. Поэтому и в пореформенный период у горцев Кубанской области не было конских заводов³.

Следующая ошибка заключается в утверждении, что «уменьшение пастбищных угодий вынуждало карачаевцев, как и других горцев Кубанской области, перейти от табунного коневодства к косячному»⁴. Здесь ошибку надо искать в самом термине «косяк». Как известно, при любом способе разведения — будь то табунное или заводское — лошади находятся в табунах осенью и зимой и в косяках весной и летом. Таким образом, на косяки в 20—30 лошадей табуны разбиваются в летний период и при табунном и при заводском коневодстве. Поэтому сокращение пастбищных угодий приводило, на наш взгляд, не к косячному, а к подворному⁵ коневодству, т. е. когда у хозяина имеется несколько лошадей для повседневного пользования.

¹ Очерки Карачаево-Черкесии, т. I. Ставрополь, 1967, стр. 439—440.

² В. П. Невская. Указ соч., стр. 86.

³ См. Конские заводы Европейской России, Кавказа и Тургайской области и исторический очерк их развития. Составил Д. Дубенский. СПб., 1896, стр. 227—232.

⁴ В. П. Невская. Указ. соч., стр. 86.

⁵ Кубанский календарь на 1899 г., стр. 385; ЦГВИА СССР, ф. 330, оп. 65, л. 3.

К ИСТОРИИ ДОМАШНИХ ПРОМЫСЛОВ КАРАЧАЕВЦЕВ

В XIX и начале XX в. в Карачае отсутствовала какая-либо промышленность. Обработка сельскохозяйственного сырья происходила в самом хозяйстве, которое его добывало.

Домашние промыслы составляли необходимую принадлежность карачаевской семьи, в быту которой в значительной степени сохранялись черты натурального хозяйства. Предметы домашнего производства предназначались прежде всего для удовлетворения собственной потребности крестьян.

Домашняя промышленность, почти полностью обеспечивающая бытовые и хозяйственные предметы, орудия труда, сохранялась и в начале XX века¹. Некоторую часть карачаевского населения представляли «...из себя специалисты-ремесленники, занимающиеся (иногда исключительно, иногда в связи с земледелием) выделкой кож, обуви, одежды, кузнечной работой, окраской домашних тканей, отделкой крестьянских сукон, переработкой зерна на муку и т. д.»². Изделия ремесленников служили не только дополнением крестьянского хозяйства, принося некоторый доход, но и приобретали товарный характер.

Во многих отраслях домашнего промысла крестьяне, несмотря на примитивную технику, достигли большого

¹ А. Фомина. Кустарная промышленность и промысловая кооперация в КЧАО. Жур. «Вестник промысловой кооперации». М., 1925, № 1.

² В. И. Ленин. Соч., изд. 4, том 3, стр. 286.

совершенства и приобрели известность далеко за пределами родного края.

Наконец, имея большое хозяйственное и культурное значение, изделия домашней промышленности и ремесла одновременно отвечали и эстетическим потребностям народа. Однако авторы научных работ о карачаевцах касались этих вопросов вскользь и никогда не затрагивали их существа. В имеющейся историко-этнографической литературе не дается представления о характере и уровне развития карачаевского ремесла. Абсолютно не освещена и техника производства.

ШЕРСТЯНОЕ ПРОИЗВОДСТВО

В хозяйственном быту у карачаевцев до Октябрьской революции большое значение имела шерстеобрабатывающая промышленность: прядение, ткачество, изготовление войлоков и бурочное производство. В этих отраслях промышленности карачаевцы достигли большого совершенства. Развитое скотоводство, обеспечивающее шерстью, давало возможность изготавливать различные изделия, требующиеся в хозяйственном быту карачаевцев.

Почти все женщины умели ткать сукно и делать черкески (чебген), переметные сумы (артмакъ), паласы (къаты кюйюз), валяные вещи, плести различного назначения тесьму, шить башлыки, шубы, обувь и т. д. Вся верхняя одежда и обувь у карачаевцев изготавливалась «из своих продуктов, обработанных самим населением»¹.

Карачаевская шерсть славилась по всему Кавказу. Проф. Н. П. Чирвинский признавал «особенно пригодной для приготовления войлочных изделий»² шерсть овец карачаевской породы. Специалист по сельскому хозяйству на Кавказе А. Калантар свидетельствовал, что за свои высокие качества «шерсть карачаевской породы ценится на 2—4 руб. дороже обыкновенной туземной шерсти»³.

¹ А. А. Атманских. Животноводство в Карачае Кубанской области (зоогигиенический очерк). — «Юго-восточный хозяин», вып. 9, Ростов-на-Дону, 1906, стр. 111.

² Н. П. Чирвинский и В. Б. Елагин. Разводимые в России породы грубошерстных овец. Киев, 1916, стр. 95; Проф. Н. Н. Кулешов. Грубошерстное овцеводство. М., 1925, стр. 80.

³ А. А. Калантар. Характеристика кавказских пород овец. Тифлис, 1912, стр. 23.

На высокие технические достоинства шерсти овец карачаевской породы указывал исследователь кустарных промыслов на Кавказе А. С. Пиралов. Оценивая уровень домашней промышленности карачаевцев, А. М. Буцковский в начале XIX в. писал о «весьма длинной и мягкой шерсти, из коей выделывают сукна, кошмы и особенно славящиеся бурки»¹. В «Военно-статистическом обозрении Российской империи», составленном в середине XIX в. штабс-капитаном М. Забудским, также говорится, что «карачаевцы готовят хорошие сукна, бурки, полсти...»². О широком развитии в Карачае обработки шерсти и о ее обилии, а также торговли с соседними народами свидетельствуют и данные многих других авторов, путешествовавших по Кавказу в XIX веке: П. Зубов³, князь Шаховской⁴, Торнау⁵. «В Карачае сильно развита кустарная выделка бурок и сукна»⁶, — сообщал в конце XIX века горский учитель А. Колесников, излагая свои наблюдения, сделанные в улах Большого Карачая в конце XIX века.

И это понятно, хозяйство носило полунатуральный характер, незначительным был завоз фабричных изделий, многие предметы бытового обихода производились кустарным способом. С развитием рыночных отношений усиливается ввоз фабричных тканей и изделий, значительно суживается база местных кустарных промыслов. Однако, в отличие от других промыслов, суконное и бурочно-валяльное производство (это монополия горских женщин) продолжало сохранять относительную устойчивость, что, отчасти, объясняется как обилием сырья, так и исключительным трудолюбием горской женщины и полунатуральностью хозяйства.

«Горская женщина, — писал в начале XX века Н. П. Тульчинский, — чрезвычайно трудолюбива, где бы вы ни встретили горскую женщину: беседует ли она с соседями, разговаривает ли с мужчинами, едет ли из селения в селение за 5—6 верст, везде — в семье и на улице у нее неизменно в руках шерсть и веретено, кото-

¹ «Весь Кавказ», Баку, 1914, № 1, стр. 201.

² ЦГВИА, ф. ВУА, ед. хр. 19051, ч. II, л. 185.

³ П. Зубов. Картина Кавказского края..., стр. 135.

⁴ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 19277, лл. 10, 32.

⁵ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18511, 1839, л. 18.

⁶ Газ. «Кубанские областные ведомости», 1898, № 27.

рое, безостановочно крутятся, сучит нитку. Встретить женщину без этих атрибутов, значит она больна, или же очень бедна»¹. В фольклоре народа женщине в семье придается исключительная роль. Так, например, в свадебном пожелании «Алгышы» говорится: «Пусть первый родившийся будет «таракъчы» (чесальщица шерсти), а второй пусть будет «таякъчы» (держатель палки, т. е. пастух).

Изделия карачаевцев из шерсти издавна находили сбыт не только на местных рынках и ярмарках, но и далеко за пределами Карачая². По данным Н. Г. Петрусевича, еще в 1867 г. в Карачае с 15-тысячным населением было изготовлено бурок 1509, продано — 1001, сукна 2932 локтя, продано — 1364, полстей изготовлено — 241, продано — 153 штуки³, а в конце XIX века в трех селениях (Хурзук, Учкулан и Карт-Джурт) было произведено сукна, бурки и полсти на сумму 187 500 руб.⁴ Тебердинское население ежегодно сбывало сукна на 1000 руб.⁵, селение Учкулан приговляло бурок до 2000 штук, Хурзук — 1800, столько же и Карт-Джурт⁶.

«Можно смело сказать, что казачье население, как и все горцы Кубанской области, одевается в бурки, поговицы и черкески, приготовляемые карачаевцами, от них же получает сукна ручной, но прочной и хорошей работы, и притом за цену весьма недорогую, золотошвейную тесьму, полсти, чехлы на ружья, сыромятные ремни для вожжей, ряжей, супоней и пр.», — писал в конце XIX в. корреспондент газеты «Казбек»⁷, характеризуя развитие домашних промыслов в Карачае.

К началу XX века в Карачае суконным промыслом было охвачено почти все женское население⁸. Участие мужчин в переработке шерсти, в изготовлении каких бы то ни было шерстяных изделий было не принято.

¹ Н. П. Тульчинский. Пять горских обществ Кабарды. Владикавказ, 1903, стр. 188—203.

² ЦГВИА. ф. ВУА, ед. хр. 19051, ч. II, 1851, л. 185.

³ Архив КЧНИИ, ф. 6, оп. 43, лл. 23—24.

⁴ Кубанская область. — «СМОМПК», вып. VIII, Тифлис, 1889, стр. 229—230, 361.

⁵ Газ. «Кубанские областные ведомости», 1898, № 27.

⁶ В. М. Сысоев. Карачай в географическом, бытовом и историческом отношении. — «СМОМПК», вып. 43, Тифлис, 1913, стр. 122—125.

⁷ Энциклопедический словарь. СПб., 1895, т. 14, стр. 446.

⁸ Аргус. Карачаевцы. Газ. «Казбек», 1896, № 13.

Газета «Северный Кавказ» также отмечала, что «карачаевцы готовят весьма добротные сукна, полотна, шляпы, бурки, последние вывозятся в большом количестве, появляясь весьма часто на рынках Севера»¹.

«В Карачае сильно развита кустарная выделка бурок и сукна», — неоднократно подчеркивала газета «Кубанские областные ведомости»². «Особенно хорошее карачаевское сукно», — сообщала другая газета³.

В конце XIX — начале XX в. в Карачае значительно расширяется ассортимент тканей домашнего производства, углубляется процесс специализации среди женского ремесла, заметно увеличивается исполняемая обработка шерсти — «ортакчество».

В период первой мировой и гражданской войн ощущается острый недостаток промышленных товаров, увеличивается спрос на мануфактуру. И традиционное домашнее производство получает дальнейшее массовое развитие. По словам И. Хубиева (Карачайлы): «Мануфактурный голод послужил утончению и усовершенствованию местных шерстяных изделий, появились давно уже невиданные тончайшие сукна для черкесок, бешметов и белья»⁴.

* * *

Из кустарных промыслов Карачая производство бурок занимало большое место: идеальная одежда горцев «черный плащ» еще со времен Геродота пользовался неизменным успехом⁵.

Неоспоримые универсальные достоинства кавказской бурки в хозяйстве горцев воспеты поэтами, отмечены исторической и художественной литературой. Горец никогда не расставался с нею, она его укрывала от дождя и снега, заменяла ему постель⁶. К сожалению,

¹ Газ. «Северный Кавказ», 1891, № 43.

² Газ. «Кубанские областные ведомости», 1898, № 27.

³ Газ. «Вестник казачьих войск», СПб., 1902, № 22.

⁴ И. Карачайлы. В горах Карачаево-Черкесии. Газ. «Советский юг», Ростов-на-Дону, 1923, № 183. Сб. «Культура и быт народов Северного Кавказа», М., 1968, стр. 162.

⁵ А. Кавказов. Промышленность, о которой мало кто знает. Жур. «Советский Северный Кавказ», Ростов-на-Дону, 1931, № 1, стр. 26.

⁶ А. Фомина. Указ. соч.; А. С. Пиралов. Краткий очерк кустарных промыслов Кавказа, СПб., 1913.

карачаевскому бурочному хозяйству в дореволюционной литературе по Кавказу отводится мало места.

В своих скудных сведениях о бурочном производстве в Карачае О. В. Маргграф не выделял его в самостоятельный район, а объединил с кабардинским бурочным районом¹. Отсутствуют сведения о карачаевском бурочном промысле и у исследователя кустарных промыслов Северного Кавказа А. С. Пиралова. Но еще в начале XIX в. производство и сбыт бурок в Карачае, как об этом свидетельствуют источники, были значительными².

В начале XX века некоторые карачаевские семьи производили 9—10 бурок на продажу. Часть бурок сбывалась в аульные лавки в обмен на разные бытовые товары, а значительное количество поступало на рынки станиц, где они пользовались большим успехом.

Исследователь Карачая В. М. Сысоев отмечал, что «бурки выделяются женщинами в каждой семье, если есть шерсть. Весной и осенью каждая женщина на бурках может заработать 20—30 руб.³».

По свидетельству И. Карачайлы, «в дореволюционном Карачае не было семьи без ткачих, мастериц по изготовлению ковров и бурок»⁴. Об этом мы располагаем весьма конкретным материалом. Достаточно указать, что еще в конце XIX в. в трех селениях Карачая (Хурзук, Учкулан, Карг-Джурт) шерстяным производством было занято 4500 женщин, которыми было изготовлено для продажи 16 075 бурок и 3 470 полсте⁵.

Бурочное производство в Карачае всецело отвечало требованиям рынка. Технология изготовления бурок изменялась в зависимости от того: производились ли они на продажу (сатью джамчы) или же для обеспечения своих нужд (киер джамчы). Бурки, идущие на продажу, были худшего качества. Вследствие чего и цена варьировала от 5 до 30 руб.⁶. На ее изготовление расходовали 11—12 фунтов неочищенной осенней шерсти, а на про-

¹ О. В. Маргграф. Очерк кустарных промыслов Северного Кавказа с описанием техники производства, М., 1882, стр. 30—33.

² АКАК, т. VIII, Тифлис, 1881, стр. 537.

³ В. М. Сысоев. Указ. соч., стр. 88, 134.

⁴ Газ. «Советский юг», 1923, № 183.

⁵ У. Алиев. Карачай..., стр. 102.

⁶ В. М. Сысоев. Указ. соч., стр. 133; газ. «Кавказ», 1912, № 29.

изводство бурки для собственного потребления — 20 фунтов¹. Для первой иногда примешивали и шерсть весенней стрижки (джабагъы), которая в основном шла на продажу (по 3 руб. за пуд), а также на набивку матрацев, тюфяков и подушек². Бурки на заказ изготавливались исключительно из шерсти осенней стрижки, отличавшейся своими высокими качествами, и цена на такие бурки соответственно повышалась. Много заказов поступало из Черкесии, где производство бурок для продажи не практиковалось³.

При укладке шерсти размер будущей бурки определялся на циновке, единицей меры служила длина руки от локтя до конца среднего пальца (къары). Для бурки собственного потребления периметр укладываемой на циновке шерсти равнялся 22—23 кары, а для другой — 13—15 кары⁴, что составляет приблизительно 6 метров.

Исследователи северокавказских кустарных промыслов О. В. Маргграф, А. С. Пиралов, Б. Е. Хижняков, А. Кавказов не видели никакого различия в технике бурочного производства у различных народов. Они выделяли в бурочном деле всего семь процессов. Это ошибочное положение подверг критике советский этнограф Г. Х. Мамбетов в работе «Крестьянские промыслы в Кабарде и Балкарии». Тщательно анализируя кабардинскую и балкарскую технику бурочного производства, он выявляет существенные различия между ними и выделяет 12 самостоятельных процессов⁵.

Бурочное производство у карачаевцев, как свидетельствуют полевые материалы, также имело свои особенности, которые не отражены в литературе. Поэтому здесь мы попытаемся дать более или менее подробное описание изготовления бурки, предназначенной для бытового обихода:

1. «Джюн хазырлау» — подбор и подготовка шерсти является одним из главных этапов в производстве бурок. Для этого двадцать фунтов шерсти (8 кг) укладывают

¹ А. Аتمانских. Указ. соч., стр. 107. (Фунт равен 412 гр.).

² Полевой материал, 1967 год, с. Учкулан.

³ В. М. Сысоев. Указ. соч., стр. 135.

⁴ И. Х. Калмыков. Черкесы. Диссертация. М., 1956, стр. 135—140.

⁵ Г. Х. Мамбетов. Крестьянские промыслы в Кабарде и Балкарии. Нальчик, 1962, стр. 13—19.

в корзинку и в течение нескольких часов или одного дня вымачивают в проточной воде, затем моют горячей водой с мылом до тех пор, пока ни потечет прозрачная вода. Если бурка предназначалась на продажу, то шерсть предварительно не промывали и ограничивались ручной сортировкой.

2. Следующий этап заключался в очистке шерсти (джюн ариулау). Просушив на солнце шерсть, сортировали (отбирали шерсть, снятую с грудной и брюшной области руна), а затем выбирали косицу (сюзюк) от подшерстка (мамук) и теребили на отдельные тонкие клочки (устукку). На эту работу мастерица тратила 2—3 дня.

3. Расчесывание на гребне (джюн тарау) одна из малопродуктивных и трудных работ, требовавшая большого искусства и мастерства, отнимала 10 дней.

4. Следующий этап работы заключается в разрыхлении (джюн чагыу), который совершается при помощи лучка (джая) и двух палочек (саба). На эту операцию уходило два дня. При изготовлении бурки на продажу пух использовали на сукно.

5. Кладка шерсти на циновку (чий салыу) и первичное уваливание (тыбыл этиу). На разостланную циновку (чий) осторожно накладывали ровным слоем распушенную шерсть, а сверху раскладывали слой косицы. Потом с помощью веника равномерно обрызгивали горячей мыльной водой. Затем всю эту массу аккуратно сворачивали вместе с циновкой в рулон и ритмичными движениями вперед и назад укатывали локтями. Горские мастерицы знали по опыту, что шерсть хорошо сваливается при условии умелого сочетания влаги и определенной температуры. Поэтому валянием шерсти занимались только в теплое время года — летом и в начале осени. Процесс уваливания требовал строгого ритмического движения, и поэтому женщины при выполнении указанного процесса распевали старинную трудовую песню «Инай»¹. Содержание ее было несложно, но мелодика ее согласовывалась с ритмическими движениями женщин. Работа сопровождалась шутками, прибаутками, общим весельем. Кладка шерсти и ее уваливание производились коллективом женщин, обычно в 5—6 человек. Поэтому и приня-

¹ И. И. Иванов и М. Ковалевский. У подошвы Эльбурса, стр. 96; Карачаевские народные песни. М., 1969, стр. 43—44.

то было в этот день собирать на помощь соседок или родственников.

6. Вторичное уваливание (билеклеу, т. е. локтование). После первого уваливания, продолжительность которого колебалась от 2 до 3 часов, шерстяной войлок освобождали от циновок, слегка просушивали и при хорошей теплой погоде в тот же день приступали к уваливанию второй стадии, которая производилась уже не по цинровке, а на поверхности специального бурочного плетня (джамчы четен). Вторичное уваливание продолжалось около 1—1,5 часа. Если билеклеу начинался с утра, то в тот же день из мокрого бурочника при помощи особой бурочной щетки (джамчы таракъ) поднимали ворс (къыллау), а затем просушивали.

7. На следующий день повторялись процессы билеклеу и къыллау. При производстве бурки на продажу эти процессы отсутствовали.

8. Поднятие ворса на плетне (хырт этиу). На плетень раскладывали бурочник ворсом вниз и шестеро мастериц попеременно тянули друг к другу и растирали. Процесс этот длился несколько часов.

9. На следующий день вновь продолжали уваливание на плетне и производили начесывание ворса. В процессе уваливания участвовало 8—10 человек, в начесывании—4—5. Затем на ворсовую поверхность наносили золу и при помощи палок (джамчы къылыч) взбивали ворс.

10. Следующий этап работы заключался в том, что бурку несли к проточной воде и били ею по воде. Бурка промывалась и лохматилась. Затем её складывали вдвое, туго скручивали в рулон и завязывали веревкой. В таком состоянии бурку подвешивали и оставляли на 5—6 дней для просушивания.

11. Процесс окрашивания (бояу) состоял из следующих процедур: необходимую краску вываривали из коры древесных пород (дуба, бука, ольхи и березы). В казан с готовой краской бросали квасцовый элемент—купорос (кёрдеук) и в раствор погружали бурку. Бурки для продажи красили один раз, но зато в краску добавляли щелочь (силти).

12. Через сутки окрашенную бурку высушивали на солнце и вновь промывали в проточной воде. Затем ворсовую поверхность обрызгивали щелочной массой или мыльной пеной и начесывали. Этот процесс, именуемый

«тюгон кѳобару», т. е. поднятие ворса, повторялся вместе с уваливанием «хыртлау» несколько раз.

13. Окончательно промывали в проточной воде и по мере просушки верхнюю часть тщательно начесывали щеткой, а нижнюю опаливали на медленном огне.

14. Наконец, приступали к кройке и шитью (окѳа кѳыстырыу). Края бурки до пояса отделявали сафьяном и галунами, а ниже пояса — тесьмой (шайтан чалыу). Ворот украшали узорными галунами (тѳгерекле). Снизу подшивали подкладку, которая отсутствовала в бурках на продажу. В зависимости от материала и качества приготовления цена бурки в 20-х годах XX века колебалась от 10 до 50 руб.¹.

Среди состоятельной прослойки населения имели распространение и белые бурки, изготавливаемые известными на селе мастерицами по заказу. Кроме того, карачаевские мастерицы изготавливали и так называемые «анди джамчы» (андийская бурка) и «тѳшелген анди джамчы» (раскладная андийская), а также «сууурул-гъан анди джамчы» (андийская бурка с пришитым ворсом)².

Помимо обыкновенных бурок для пастухов, изготавливали специальную бурку (гебенек) — одежду прямого покроя с застежками, рукавами и с пришитым капюшоном (башлыком)³. Войлочные плащи с рукавами (гебенек) имели в прошлом широкий ареал распространения: они были хорошо известны народам Средней Азии под названием «кебенек»⁴, а под названием «губѳнѳч» — в Кабарде⁵, «агуабанек» — в Абхазии⁶. Как нам кажется, свое первоначальное распространение эти бурки могли иметь среди воинов древних тюрков⁷. Об этом свидетельствует, например, народная поговорка: «Кѳбин кийген кѳайтмайды, гебенек кийген кѳеледи» (Одевший саван — не вернется, одевший гебенек — возвратится).

¹ С. Н. Попов. Пешком по Карачаю. Р/Д, 1931, стр. 6.

² Полевой материал, 1967 год, с. Учкулан.

³ Государственный музей этнографии (ГМЭ) в г. Ленинграде, коллекционная опись, № 5683/20, изд. «Народы Кавказа», М., 1962, т. I, стр. 267.

⁴ В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий. СПб., 1899, т. I, стр. 119.

⁵ Г. Х. Мамбетов. Указ. соч., стр. 11.

⁶ Труды Абхазского гос. музея, Сухуми, 1947, т. I, стр. 234.

⁷ М. Кашгарий. Диван лугат ат-тюрк, т. III, стр. 181, 191.

В конце XIX — начале XX в. основными покупателями карачаевских бурок и ноговиц являлись горские евреи, имевшие в селениях свои лавки с «красным» товаром. Торговля большей частью была меновая. Через посредство скупщиков значительная партия карачаевских бурок поступила в Закавказье¹. В эти годы среди карачаевцев появляются свои скупщики, которые заказывали бурки партиями и вывозили их на продажу. Так, например, Шоганб Семенов (с. Учкулан) заказывал сразу до 100 бурок и всю партию переправлял на ярмарки². Таким образом, в производстве и реализации бурок в Карачае прослеживается явное проникновение элементов капиталистических производственных отношений.

Основным районом бурочного и суконного производства являлись горные селения, т. е. аулы Большого Карачая селения Мара, Теберда и Каменноостское. Дзегутинцы, хотя и занимались бурочным производством, но часто прибегали к покупке или заказу бурок в Большом Карачае, потому что для них основным занятием являлось земледелие, традиционное же скотоводство было вытеснено на второй план. Это говорит о том, что даже в горных и предгорных районах Карачая шел усиленный процесс специализации хозяйства.

В изготовлении бурок принимало участие 6—10 женщин. В большой патриархальной семье обходились без посторонней помощи, но к началу XX века такие семьи встречались редко. Поэтому в малых семьях широко прибегали к взаимопомощи соседок и знакомых (маматлык³). Старинный обычай взаимопомощи зажиточными слоями населения был превращен в средство эксплуатации чужого труда³.

Все распоряжения в семье по производству бурок вела старшая хозяйка (юй бийче), которая при этом охотно использовала изготовление бурок в ортак (испольщина). Женщины из княжеских, дворянских и отдельных кулацких хозяйств изготовление бурок считали неприличным для себя занятием. По сообщению старых мастериц, женщины бийских семей не обладали

¹ Труды Абхазского гос. музея. Сухуми, 1947, т. I, стр. 231.

² Полевой материал, 1967 год, с. Учкеек.

³ Кавказский этнографический сборник, М., 1955, т. I, стр. 42.

умением и необходимым навыком. Труд наемных мастериц редко оплачивали деньгами. Обычно им отдавали шерсть в ортак. При этом мастерица за свой труд получала $\frac{1}{3}$ часть продукции (юч тенг ортакъ). Для беднейших семей испольщина являлась одним из главных источников существования. В среднем дневной труд мастериц оплачивался в 20 коп.¹. На производство одной бурки коллективом затрачивалось 4—5 дней, а отдельными мастерицами — 25—30 человеко-дней.

По свидетельству Б. Е. Хижнякова, на производство бурок в Карачае использовалось 20—30% шерсти, а остальная часть сырья шла на выработку кошм, полстяных ковров, молитвенных ковриков и различных сум². При этом Б. Хижняков делает несколько преувеличенный подсчет, согласно которому одна женщина изготовляла в течение года 45 полстей и 25 намазлыков³. Наиболее вероятным, на наш взгляд, является цифра, приведенная А. Кавказовым, — 8 полстей и 5 ковриков⁴.

Повсеместное распространение в Карачае имело производство войлочных головных уборов (кийиз бёрк) с широкими круглыми полями, которые бытовали еще у скифов и азиатских пастушеских народов⁵. Техника и процесс изготовления войлочных шляп, во многом напоминающие производство войлочных изделий, оставались традиционными: скатанные из отборной шерсти куски войлока натягивали на деревянные болванки (бёрк агъач), обрезали края и затем кантовали специально сплетенной тесьмой (бёрк чалыу)⁶. Для молодежи изготовляли шляпы белого цвета, пожилым — черного, серого и коричневого. Если каждая шляпа валялась отдельно, то на бурочники могли использовать старые кошмы.

В производстве шляп, как и бурок, выделялись мастерицы, в руках которых, как говорили, «стелилась шерсть». Они-то и получали заказы от жителей соседних селений и скупщиков. Хорошая мастерица за ме-

¹ Полевой материал, 1967 год, с. Николаевское, А. Бостанова.

² Б. Е. Хижняков. Указ. соч., стр. 120.

³ Там же.

⁴ А. Кавказов. Указ соч., стр. 28.

⁵ С. И. Руденко. Культура населения горного Алтая в скифское время. М.-Л., 1953, стр. 112.

⁶ Подробно описано Б. Е. Хижняковым в указ. работе, стр. 121.

сяц изготовляла 15 — 20 штук. На изготовление одной шляпы уходило 150 — 200 гр. шерсти¹. Цена их колебалась от 25 копеек до 1 рубля². В то же время 1 пуд шерсти осенней стрижки стоил всего 10 рублей³. Шляпы сбывались далеко за пределами Карачая: на Кавминводах, в казачьих станицах и даже в Ростове-на-Дону⁴.

В настоящее время войлочные шляпы, изготавливаемые горянками, стали неизбежной принадлежностью курортного быта.

Большое место среди домашних промыслов занимало и изготовление войлоков, которые с древнейших времен оставались неизменной принадлежностью каждого дома: им устилали полы, сиденья, обвешивали стены, в целом украшали интерьер дома, укрывали арбы⁵. Войлок использовался в свадебных обрядах; он являлся необходимой частью приданого. Несмотря на это, кошмовальная промышленность в основном оставалась на уровне домашнего промысла, удовлетворявшего внутренние потребности хозяйства. Кошмы изготавливались в каждой крестьянской семье, и представляли большую ценность. Они служили показателем благосостояния горской семьи и трудолюбия ее женщин.

Кошмы с аппликациями и инкрустационным узором, отличающиеся своеобразной гармонией колорита, красочностью и оригинальной композицией, пользовались большим спросом на всех рынках Кавказа и составляли предметы значительной торговли, а в быту носили исключительно прикладной характер⁶. Однако дореволюционные исследователи кустарных промыслов О. В. Маргграф и А. С. Пиралов дают поверхностное описание войлочного производства кавказских народов в целом. Советский этнограф Е. Н. Студенецкая, занимающаяся изучением карачаево-балкарских узорных войлоков, по технике изготовления делит их на три типа: «ала кийиз» или «къолан кийиз» (пестрый войлок), «джыйгыч кийиз» (войлоки с аппликациями) и «ююлу

¹ Полевой материал, 1967 год, с. Учкулан, Умул Шаманова.

² А. Атманских. Указ. соч., стр. 107.

³ В. М. Сысоев. Указ. соч., стр. 112—118—121.

⁴ Б. Е. Хижняков. Указ. соч., стр. 121.

⁵ О. В. Маргграф. Указ. соч., стр. 40.

⁶ Очерки общей этнографии. Азиатская часть СССР. М., 1960 стр. 37.

кийиз» (войлоки-мозаики)¹. Последний тип называется пристенный войлок — «къябыргъа кийиз». Большое место занимало также производство однотонных войлоков (тууурлукъ кийиз). Технология их производства была сходна с бурочной, лишь с той разницей, что шерсть в начале красили, а затем расчесывали.

Для однотонных кийизов использовалась шерсть худшего качества, а лучшую, как правило, отбирали на узорные войлоки. Изготовление простых однотонных кошм подчинялось условиям кочевой жизни скотоводов, а потому свое основное употребление они находили в пастушеском быту.

Войлок с инкрустацией (оюулу кийиз) получался путем умелого сочетания узоров двух войлоков различных цветов. Для этого на оба войлока переводили очертания узора по заранее заготовленному трафарету (кийиз юлгю), а затем вырезали узор из войлока одного цвета и специальными нитками (шынтагы) вшивали в узор другого. После этого вдоль шва с двух сторон нашивалась специально приготовленная тонкая тесемка (чалыу), а края украшались бахромой. Как показывает сравнительный материал, карачаевские кошмы с инкрустацией по своей художественной орнаментике имеют большое сходство с войлоками балкарцев, кумыков, аварцев, чеченцев и народов Средней Азии². Вместе с тем, в отличие от среднеазиатских, дагестанских цветных войлоков, где изготавливаются кошмы с односторонними рисунками, карачаево-балкарские кошмы вырабатывались с двусторонними узорами. Такие войлоки были достоянием более состоятельных слоев населения, которые украшали ими стены своих домов, в особенности почетной стены комнаты (тёр къябыргъа).

Войлоки с аппликациями (джыйгъыч кийиз)³ заме-

¹ Очерки истории Карачаево-Черкесии, т. I, Ставрополь, 1967, стр. 369—370; ГМЭ, коллекционная опись, № 599 1/15 1617; 5914/26, 27; Сб. «Народы Кавказа», т. I, М., 1960, стр. 266.

² С. Ш. Гаджиева. Кумыки. М., стр. 88; А. С. Пиралов. Указ. соч., стр. 40—41; Записки Русского географического общества по общ. этнографии. СПб., 1871, т. IV, стр. 260.

³ Джыйгъыч тапха — полка, которая тянется вдоль стены, лежащей против входа в саклю, куда днем складывались тюфяки и подушки. Стена над кроватью и джыйгъыч тапха украшались коврами — джыйгъыч кийиз. См. Н. С. Шукин. Материалы для изучения карачаевцев..., стр. 94.

няли ковры, т. к. отличались особой сложностью и пышностью рисунков. Они получались путем вшивания в ковер-основу узоров из войлока или сукна. Разнообразная орнаментация (сочетание растительных, зооморфных, геометрических узоров) осуществлялась по заранее изготовленным из бумаги трафаретам. Если для оюулу кийиз трафарет изготовлялся с таким расчетом, что в употребление шел фоновый рисунок, то в данном случае на основной фон, обычно черного цвета, нашивался трафаретный рисунок из тонкого войлока или сукна, чаще белого, красного и желтого цветов. Войлок имел вид узкой длинной полосы с обшитой по краям бахромой и употреблялся как покрывало для полов с сундуками или постельными принадлежностями. Для изготовления указанных типов войлока отбиралась мягкая шерсть осенней стрижки молодых овец. Приемы и способы украшения были разнообразны; каждая мастерица вкладывала в них много труда и выдумки. А потому изделия на протяжении поколений носили имя мастерицы или владельца.

Наиболее распространенным типом войлока в Карачае следует считать «ала кийиз» (пестрый войлок со вкатанным двусторонним узором), который продолжает бытовать и в современной этнографической действительности. Орнамент этих войлоков — геометрический, основные элементы его — ромб, треугольник, квадрат и зигзаг. При изготовлении первоначально использовалась шерсть естественных расцветок (черная, белая и серая), отсюда и название «ала» (пестрый).

В конце XIX в. помимо растительных красок, употребляемых для раскрашивания шерсти, в быт широко вошли и анилиновые красители. Хотя за войлочными коврами сохранилось название «ала кийиз», а на самом деле это были «алакъолан», т. е. пестрорябые, многокрасочные войлочные ковры.

Работа по укладке орнамента требовала от мастерицы особого художественного вкуса, умения и навыков. Поэтому в каждом селении и даже квартале были специальные мастерицы по укладке шерсти на цинковку (кийиз салычула), которые получали за свой труд особое вознаграждение.

Богатый и строго разработанный орнамент войлочных изделий карачаевцев свидетельствует о стремлении

горцев к прекрасному. Создание рисунка, выбор цветовой гаммы имеют длительную историю, уходящую своими корнями в далекое прошлое. Каждое поколение совершенствовало технологию и орнаментальный рисунок, внося свое новое в процесс производства предметов быта. Поэтому домашние промыслы карачаевских женщин представляют интерес не только с точки зрения изучения технологии процесса производства, но и по своей художественной ценности.

К работе привлекались как пожилые, так и дети нескольких домов, так что труд носил коллективный характер. Дети с ранних лет, наблюдая за работой старших, своих родителей, без особых трудностей усваивали мастерство и умение старших. К 12—13 годам девочки привлекались ко всем видам женской работы, и вместе со своими родителями подвергались эксплуатации со стороны господствующей верхушки общества через посредство семейного сотрудничества.

Помимо семейного сотрудничества в карачаевских домашних промыслах известную роль играла и соседская кооперация труда «мамматлыкъ». Ни одна из бийских женщин не принимала участия во взаимопомощи. Зато они часто приглашали соседей на работу за одно лишь угощение (сыйлау).

При выделке войлочных изделий бытовал и обычай временного одалживания циновки (чий хаух). Изготовление циновки было известно всем карачаевским женщинам, но во многих малообеспеченных домах войлочной циновки не имелось, и они брали ее напрокат у соседей. Обычно за дневное использование хозяин взимал 3—4 фунта шерсти¹.

В советское время кошмоваление у карачаевцев получило дальнейшее развитие. Сохраняя общекарачаевские старинные приемы, присущую этническую и национальную специфику, производство кийизов значительно шагнуло вперед. Благодаря развитию общей культуры в орнаментике кийизов появились новые узоры и рисунки.

Большое место среди домашних промыслов занимало **производство сукна**. Суконные изделия (так же, как и войлочно-бурочные) изготавливались двух сортов: для

¹ Полевой материал, 1967 год, с. Николаевское, Гезам Урусова.

собственного потребления (киер) и для продажи (сатыу или сюзюк)¹.

Для выделки сукна первого сорта использовали отборную шерсть осенней стрижки, для тканей, предназначенных на продажу, использовали грубую. Для изготовления особо тонкого и мягкого сукна предпочитали шерсть, снятую с двух- и трехлетней овцы. Сукна из шерсти естественного черного, серого и белого цветов отличались совершенством работы и прочностью. Они шли на изготовление верхней одежды, и находили широкий сбыт на рынках Кавказа². На кусок сукна (чебкенлик) шло 10—12 рун шерсти, из которых можно было получить 28—29 локтей сукна, чтобы сшить одну черкеску³.

В технических приемах ткачества карачаевцев было также много общего с народами Кавказа.

Процесс подготовки шерсти для производства сукна состоял из нескольких этапов. Прежде всего шерсть тщательно сортировали по цвету, качеству, длине, затем перебирали руками и, как в бумажном производстве, промывали в щелочной, а затем проточной воде. После мойки и высушивания вновь производили переборку шерсти, удаляя посторонние примеси. Затем шерсть расчесывали при помощи ручного гребня (джюн таракъ), основная часть которого состояла из одного или двух рядов стальных игл, насаженных на узкую пирамидообразной формы раму. Чесалки типа карачаевской «тарак» имеют широкий ареал распространения.

Расчесывание шерсти являлось одной из самых трудоемких работ. Каждый клочок шерсти (устукку) расчесывался несколько раз самым тщательным образом. Работа требовала много времени и особого навыка. Не имеющая навыка в этой работе, женщина часто раздирала себе руки до крови, опытная чесальщица могла работать с большой быстротой и ловкостью. За один рабочий день она могла распушить 5—6 фунтов шерсти. Для «размягчения шерсти», как выражались мастерицы; клочки шерсти макали в керосин.

¹ И. Карачайлы. В горах Карачаево-Черкесии.

² Газ. «Вестник казачьих войск». СПб., 1902, № 22.

³ Полевой материал, 1968 год, с. Первомайское, Муслимат Джанибекова.

При расчесывании шерсть сортировалась: грязь и короткие шерстинки падали или оставались на чесалке, длинная и грубая аккуратно складывалась. Длинная шерсть шла на основу (бой), короткая — на уток (аркяу). Оческа («таракъ тюбю») использовалась для набивки тюфяков. На операцию по расчесыванию шерсти (таракълау) уходило 8—9 дней. После многократного расчесывания шерсть сворачивали в виде фитиля (билезик). От килограмма мытой шерсти после чесания оставалось 850—900 граммов.

Второй этап подготовки шерсти для тканья — пряжение при помощи ручного деревянного веретена (урчукъ). Вплоть до начала XX в. у карачаевцев самопрядки не привились. Ручное веретено имелось у всех народов Кавказа и представляло собой деревянный стержень, слегка утолщенный посередине, длиной 25—30 см, с посаженным на него пряслицем шаровидной формы. На конце веретена имеется зарубка для привязывания нитки. На них карачаевские женщины работали все свое свободное время: сидя, стоя и в пути. Процесс пряжения длился долго.

На заготовку пряжи для тканья при 8—9-часовом рабочем дне уходило около 10 суток, а между делом — целый месяц, потому что в течение дня можно спрясть около 300 граммов пряжи. В работе по заготовке пряжи хорошими помощниками считались девочки 10—11 лет, обучение которых начиналось с 7—8 лет. Для пряжения шерсти часто приглашались на помощь соседки, иногда же шерсть раздавали для работы на дому на условиях полной обработки — «ортакъ джюн ишлеу».

После заготовки известного количества пряжи как для основы, так и для утка, ее перематывали из клубков (къыбба) или веретен (урчукъ-къыбба) на специально установленные в трех-четырёхугольном порядке колышки, которые вбивались в землю на нужном расстоянии друг от друга. Конец пряжи одного веретена связывался с началом пряжи следующего веретена, пока не получалось требуемое количество ниток, соответствующее ширине предполагаемой ткани. Обычно для черескоса делали от 70 до 80 пар ниток. Для сохранения порядкового расположения пряжи между кольями ее связывали лоскутиком. Затем пряжу снимали с кольев и, чтобы не путались параллельные линии нитей, пряжу

связывали в узелки (чыкла). Во время тканья эти узелки развязывались помощницей ткачихи.

В Карачае употреблялся примитивный ткацкий станок (чебген агъач)¹, имевший много общего с подобными станками балкарцев, кабардинцев, осетин и грузин², но отличавшийся от дагестанского³. Некоторые различия были лишь в числе ремиз и ширине стана. Как правило, почти каждая семья имела свой станок.

Он состоял из большой рогатки — основы (чебкен айры) длиной 2 метра, в переднюю часть которой были вделаны две стойки для вращения вала (къююн агъач) и навивания готового сукна. Параллельность ниток основы удерживалась между пластинками деревянного гребня (чебкен таракъ). Гребень — бердо служил для прибавления утка. Далее нитки продевались параллельными рядами через два ряда нитченки (кисиуле) с таким расчетом, чтобы получалось два слоя — сверху четные, снизу — нечетные: при тканье одна нитченка (или ремиз) двигает одну половину ниток основы, а другой ремиз — другую половину ниток основы. Пройдя через челнок (чоллакъ чюйке) и нитченки, нитки привязываются к колу (арг къазыкъ), вбитому в конец рогатки. К концам верхних палочек нитченок привязываются шерстяные веревочки (шинтагы) и подвешиваются к потолку комнаты или навеса⁴.

К нижним палочкам нитченок прикреплялась войлочная петля (кисиу бау), в которую продевала мастерица ноги для переменного поднимания и опускания нитченок. Техника изготовления ткани была довольно сложна. В процессе работы ткачиха движением ног перемещает один слой основы снизу вверх, а другой — сверху вниз, затем, пропустив челнок с уточной пряжей между рядами основы, нитку набивает гребнем к рабочей части сукна и делает ногами новое перемещение рядов основы. Работа требовала большого внимания и опыта.

¹ ГМЭ, коллекционная опись, № 5683/126.

² Г. Х. Мамбетов. Указ. соч., стр. 29.

³ О. В. Маргграф. Указ. соч., стр. 83; А. С. Пиралов. Указ. соч., стр. 48.

⁴ Пряжу на станок устанавливали не так, как утверждал О. В. Маргграф, т. е. не от навоя через гребень, и к направлялам, а от столбика через нити ремиза и пластинки бердо к навою.

Считалось, что работа, начатая правой рукой, будет счастливой, поэтому ткачихи старались начинать с правой руки после прочтения молитвы-прошения (тилек).

Процесс ткачества начинается с того, что пряжу, связанную петлеобразными узлами (чык), закрепляли на столбик и пропускали через нитченки по указанному выше способу. Одна мастерица время от времени переносила узлы на станок, а другая, сидя, работала с челноком. Сотканная часть сукна наматывалась на вал, один конец которого имел отверстие для поворачивания палочкой, опирающейся другим концом в землю.

Готовое сукно мыли, катали на плетне (джамчы четен) и уваливали (чебкен басхан) ногами, обрабатывали на плоских камнях (чебкен тьююучю). Сукно при этом давало усадку почти на 45—50%, а не на 20—25%, как указывается в некоторых источниках¹. Процесс уваливания ногами длился несколько дней, при этом часто использовался труд мужчин и мальчиков. Для равномерного уваливания сукно обливалось холодной или слегка теплой водой². После первого уваливания и мытья сукно сушили на солнце, а затем красили. Сукно изготовлялось кусками длиной в 100 и более аршин, цвета преимущественно серого, черного и коричневого. На черкески и башлыки для представителей знати сукно изготовлялось белого цвета.

Увлажненное готовое сукно скатывали в трубку и в таком виде сохраняли для продажи или употребления. Приготовление пряжи и сукна производилось как одиночно, так и с помощью членов семьи в свободное от других работ время всего года³. Вместе с тем кулацкая верхушка использовала крестьянскую бедноту для обработки шерсти исполу (ортакъ джюн ишлеу). В каждом селении были женщины, которые временно нанимались к кулацким семьям и были заняты выполнением определенного процесса ткачества. Если один кусок сукна (чебкенлик), равный 12 метрам, продавался за 8—15 руб.⁴, то наемной ткачихе выплачивали 1,5—2 руб.,

¹ Кубанская область — «СМОМПК», вып. VIII, Тифлис, 1889, стр. 117; Б. Е. Хижняков. Указ, соч., стр. 126.

² В Кабарде сукно обливалось горячей водой. Г. Х. Мамбетов. Указ, соч., стр. 30.

³ «СМОМПК», вып. VIII, Тифлис, 1889, стр. 362.

⁴ А. Атманских. Указ, соч., стр. 107.

а за прядение шерсти, достаточной для одного чебкена, — 1 руб.¹.

По сообщению старых мастериц (Даум Тамбиева, 90 лет, из с. Каменноостское; Хабий Тамбиева, 80 лет, из с. Учккен; Хауа Биджиева, 75 лет, из с. Учкулан и др.), одна семья в среднем производила за год 200 аршинов сукна². Кусок сукна, достаточный для изготовления одной черкески (чебкенлик), равнялся 29—30 единицам измерения кары при 33—35 см ширины, т. е. около 12 метров. Следовательно, одна семья готовила до 20 чебкенов в год. На подготовку одного куска сукна, равного 30 кары, без посторонней помощи мастерица тратила 30—35 дней при 10—12-часовом рабочем дне. По подсчетам Б. Хижнякова, на эту работу мастерица в Карачае тратила 40 дней, а в Кабарде — даже 58³. По явно преуменьшенным подсчетам Г. Мамбетова, женщины из Кабарды и Балкарии на подготовку одного куска тратили 23—25 дней⁴. Для этого необходимо было обработать 10 рун шерсти, т. е. столько как и на бурку.

В каждом селении или квартале имелись мастерицы, чьи имена были хорошо известны далеко за пределами их кварталов и селений, а изделия пользовались большим спросом. Так, например, имена мастериц Хымич Салпагаровой, Чокай Каппушевой, Джандет Бостановой и др. были известны не только в Большом Карачае, но и во всех селения Малого Карачая, где сукноделием занимались в меньшей степени.

Значительную часть сукна, используемого на изготовление башлыков и черкесок, а также нитки и самую шерсть подвергали окраске. Карачаевские мастерицы придавали большое значение окраске шерсти и пряжи. Они знали, что от нее зависит качество и ценность изготовленной вещи. Мастерицы перед окраской шерсти или пряжи тщательно промывали ее теплой водой, а потом полоскали в проточной воде. Просушенную шерсть очищали от чужеродных примесей, и лишь после того мастерицы приступали к ее окраске. Для окраски в различные тона, как правило, красящее вещество

¹ Полевой материал, 1967 год, с. Учкулан, Умул Шаманова.

² Полевой материал, 1967 год.

³ Б. Е. Хижняков. Указ. соч., стр. 126.

⁴ Г. Х. Мамбетов. Указ. соч., стр. 31.

кипятили в воде и добавляли материалы, способствующие крашению (квасцы и уксус). Нередко для устойчивости краски в раствор добавляли казеин, получаемый из овечьего айрана.

В горячий красящий раствор клали нитки или ткань и в течение нескольких часов выдерживали при слабом кипячении, после чего просушивали, затем промывали и вновь просушивали. Таким образом, в способах крашения и использования красителей у карачаевцев была большая общность с другими народами Кавказа.

Вплоть до XX века для окрашивания пряжи в Карачае использовались исключительно натуральные растительные красители. Черную краску делали из корней рододендрона (залькыылды) или из коры дуба (эмен), ольхи (джерк), березы (къайин), вербы (тал) с добавлением квасцов (кёрдеук). Из корней барбариса (тюртю) получали желтую и оранжевую, а из различных зеленых трав, как, например, щавеля — зеленую краску, из коры ольхи, листьев грецкого ореха и корней марены (кызыл от) — красную и коричневую, из золы дубовой древесины — сиреневую (кюл бояу), а из коры ольхи и вербы — светло-коричневую (джерк бояу). Краску цвета хаки делали из желудей дуба. Для отбеливания пряжи использовали горячий раствор древесной золы. Газета «Советский юг» отмечала: «Краски — местные, растительные, идут же в дело корни и кора, эссенция трав и выжимки из листьев различных растений. Получают буро-черный, каштановый, серый, светлый и темный, вплоть до жемчужного оттенка, натурально-коричневый...»¹. Умелые мастерицы при помощи сочетания различных красок получали большое количество оттенков.

С конца XIX в. в Карачае стали появляться и ализариновые краски, которые сразу привлекли к себе внимание кустарей. Однако приобретение их было крайне затруднительно и дорогостояще.

В связи с этим А. С. Пиралов отмечал, что: «Сохранение старых способов, где это возможно, весьма желательно и достойно поощрения»².

¹ Газ. «Советский юг», 1923, № 83.

² А. С. Пиралов. Указ. соч., стр. 206.

Отдельные мастерицы под влиянием фабричных изделий изготовляли сукна в сочетании нескольких цветов, в том числе и рисунчатые¹. Так, добавка к черной шерсти $\frac{1}{3}$ — $\frac{1}{4}$ части белой давала красивое дорогостоящее сукно сизого оттенка (ала чебкенлик). При употреблении черной основы и белого утка получалось зернисто-рябое сукно (джырна чебкен)². Если для изготовления традиционной верхней одежды мужчин ткали сукна черного, серого и коричневого цветов, то для женской одежды — в полоску, в клетку и различных тонов³.

Как отмечает Е. Н. Студенецкая: «Некоторые карачаевские мастерицы изготовляли так называемый «бухар чебкен». При этом уток делали из непряденной шерсти и вытягивали петлями вверх. После валяния такое сукно напоминало каракуль»⁴. При узорном ткачестве важной операцией было навивание основы. Соответственно задуманной ширине цветных полосок ткачихи отсчитывали количество нитей каждого цвета. Все это говорит о высоком мастерстве карачаевских женщин и совершенстве их изделий.

В Карачае в силу естественно-географических условий не возделывались льняные и конопляные культуры. И все же карачаевцам были хорошо известны холстяные изделия из конопли (кендир). В этой связи небезынтересно заметить, что народная поговорка гласит: «Эбзе таудан аумай, кендир къайдан табылыр» (Если сван из-за гор не перевалится, то не быть коноплю). Это подчеркивает то, что поставщиками волокна в прошлом являлись закавказские горцы и особенно сваны, на землях которых конопля давала хороший урожай⁵. Из Закавказья поступали в Карачай также шелковые нитки (чилле), идущие на изготовление шелковой ткани, из которой шили платки, пояса, кисеты и т. п. Отдельные мастерицы из шелка ткали ценные материи — «мырса-

¹ Культура и быт народов Северного Кавказа. М., 1968, стр. 163.

² Там же.

³ Полевой материал, 1968 год, с. Первомайское, Муслимат Джанибекова.

⁴ Культура и быт народов Северного Кавказа, стр. 164.

⁵ В. Я. Тепцов. Сванетия. Тифлис, 1888, стр. 31; К. Савиц-Заболоцкий. В горах Центрального Кавказа. — «Землеведение», 1903, №№ 2, 3, стр. 31.

пай», «къанзыр», «шамеледин», «джарымпай»¹, идущие на изготовление нарядных платков.

Карачаевские женщины обладали большим мастерством как по изготовлению сукна, так и по пошиву из него всех предметов одежды — черкески (чебкен), бешмета (къабдал), рубашки (кёлек), штанов (кёнчек), башлыков и т. д. Домотканое сукно употреблялось также на изготовление женской одежды. Из него шили женские платья (тышыруу чебкен), пальто (сыргъан къабдал), теплые чуваки (уюкъ), ноговицы (ышым) и т. д.

Таким образом, несмотря на развитие капиталистической промышленности в России, кустарное шерстяное (суконное) производство в Карачае сохранялось довольно устойчиво. Как бурочное, так и суконное производство в Карачае во второй половине XIX и в начале XX в., постепенно подчиняясь интересам рынка, поднялось до уровня мелкотоварного производства. Карачай являлся важным центром шерстяного производства на Северном Кавказе. Производством домотканого сукна занимались в основном крестьянские хозяйства горного Карачая.

Высокого уровня достигли карачаевки и в вышивании золотой и серебряной канителью². Плетение всевозможных шнурков, тесьмы, галунов, которые входили в обязательные атрибуты берне (къол керек) и костюмов, занимало видное место. Шитье золотом или серебром способами глади (чий тигиш и къаты тигиш), а также атласной глади (тюз окъа сокъгъан, къыйыкъ зембле, сюзме сокъкъан)³ требовало богатства творческой фантазии и исключительного технического мастерства. Металлическое плетение (окъа туйген), изготовление пуговиц (туйме туйген) и вышивка золотом и серебром (окъа тикген, окъа сокъкъан, ийне кириш) имели много общего с искусством соседних народов и считались девичьим рукоделием, удовлетворяющим домашние потребности⁴. Вместе с тем вышивка карачаевских жен-

¹ Полевой материал, 1967 год, с. Первомайское, Муслимат Джанибекова, с. Учкёкен, Х. Тамбиева.

² Очерки общей этнографии. Азиатская часть СССР, М., 1960, стр. 37—38; Газ. «Кубанские областные ведомости», 1898, № 27.

³ Полевой материал, 1967—1968 годы, с. Каменноостовское, Сапият Ижаева.

⁴ Очерки истории Карачаево-Черкесии, т. I, стр. 323.

щин, сохраняя в себе ряд архаических форм, в то же время отличалась национальным своеобразием. Основными мотивами карачаевского шитья являлись животные, растительные и геометрические рисунки.

Большим разнообразием отличалась и техника выполнения вышивки. Для шитья золотом и серебром пользовались четырехугольной рамой (окъа тиккен кергич). Плетение на пальцах, называемое «чертовое» (шайтан чалыу), производилось без каких-либо орудий труда, из продольных ниток — хлопчатобумажных, шерстяных и металлических. Одна мастерица могла плести из пяти пар продольных ниток. Для плетения из шести и более пар ниток присоединялась вторая работница. Первая ритмическими движениями переплетала петли, надетые на пальцы обеих рук, а другая одной рукой натягивала шнурок, а другой уплотняла петли. Так изготавливались различные виды шнурков: «экеу шайтан чалыу», «тёгерек чалгъан», «джассы чалгъан», «чёблеучалыу», «эки айры», «джалгъан чалгъан», «химич чалгъан»¹, отличающиеся большим разнообразием рисунков.

Карачаевки были хорошими мастерицами и в деле изготовления галунов и тесьмы. С помощью особого прибора (чалыу къанга), состоящего из целой группы (от 4-х до 150 штук)² маленьких четырехугольных дощечек с дырочками по углам, костяного ножа (бычакъ), толстой проволоки длиной до 15 см (илгич), концы которой оканчиваются тупыми крючками, изготавливали галуны (окъа), а также плели бумажную, шерстяную и металлическую тесьму (тартма). В зависимости от способа плетения изделия получались плоские или же круглые. Ширина ткани определялась количеством взятых дощечек. Тканьем на дощечках обычно занимались две женщины: одна из них поворачивала дощечки на 180 градусов, что влекло за собой переход нижних нитей наверх и наоборот, а другая в то время пропускала в образовавшийся зев уток и уплотняла нити гребнем. Выработанный конец наворачивали на проволочку и закладывали крючками за пояс. Дощечки играют роль ремисс, а ножишек — бердечка. Характерно, что эту технику, широко распространенную у многих народов Ев-

¹ Полевой материал, 1967—1968 гг. А. К. Шаманова.

² О. В. Маргрраф. Указ. соч., стр. 32.

ропы и Азии, некоторые исследователи считают одним из древнейших способов изготовления тканей и называют полутканьем¹.

В конце XIX и начале XX в. вышивка в Карачае стала производиться на продажу. Хозяева многочисленных лавок в Карачае снабжали мастериц всеми необходимыми материалами для вышивки, а взамен получали готовую продукцию. Свои изделия карачаевские женщины также выменивали на разные бытовые товары в казачьих станицах и в горских селениях.

В домашнем быту карачаевцев вышивкой украшались самые разнообразные вещи: кошмы, бурки, башлыки, нарядный женский костюм, женская обувь, различные вещицы, как, например, шелковые кисеты, носовые платки, завязки и подушечки для колыбели, кобуры для револьверов, ножны, пояса и многое другое. Все это дает нам понятие о прилежании и искусстве горской женщины.

Наряду с плетением и ткачеством, карачаевки занимались вязанием, используя для этого костяную иглу и крючок. «Сучением и вязанием занимаются с 10-летнего возраста. Ручные изделия из пряжи: чулки, перчатки, платки, кофты отличаются прочностью и весьма любопытным орнаментом», — отмечал Б. Е. Хижняков². Вязание на спицах и крючком, получившее распространение в конце XIX века, продолжает бытовать и в настоящее время.

Ныне искусство вышивания и вязания получило дальнейшее развитие. Мастерицы, используя традиционные мотивы орнамента и творчески переосмысливая старое наследие, создают новые узоры и художественные композиции, связанные с современной действительностью.

Некоторое распространение в Карачае получило изготовление безворсовых ковров — паласов (къаты кюйюз)³, хозяйственных мешочков (хурджуны), ворсовых ковров (къатапа кюйюз)⁴, гобеленов (сокъгъан кюйюз) и намазлыков.

¹ Восточно-славянский этнографический сборник, М., 1951, № 21, стр. 504—506; Сборник музея антропологии и этнографии, М., 1956, т. 31, стр. 142—143.

² Б. Е. Хижняков. Указ. соч., стр. 128.

³ ГМЭ, коллекционная опись, № 1084/20, 21.

⁴ Там же, № 6320/1.

Исследователь А. Атманских неоднократно отмечал в начале XX в., что «карачаевские женщины пачали выделывать ковры, каковые пока на рынках не фигурируют»¹. Ковроткачество в Карачае не получило своего широкого развития, как, скажем, в Дагестане. Оно считалось занятием избранных, им охотно занимались представители высших классов. Например, в конце XIX в. умением ткать ворсовые ковры славились Дудовы, Крымшамхаловы, в частности жена видного просветителя карачаевского народа Ислама Крымшамхалова. В Государственном музее этнографии народов СССР хранится узорная переметная сума (ее передние стенки гладкие, остальные типа паласа), сделанная в начале XX в. женой Канчика Дудова, урожденной Баташевой². Многие женщины умели ткать полосатые сумы (таякъ артмакъ), ворсовые (оюулу артмакъ) и молитвенные коврики (намазлыкъ). В то же время значительное количество односторонних и двусторонних паласов ввозилось в Карачай из Кумыкии. Спрос на ковровые изделия был довольно большой, так как ковры и паласы являлись неотъемлемой частью приданого.

Техника подготовки сырья и производства ковровых изделий на ткацком станке у карачаевцев почти не отличалась от общекавказской. Основу ковроткацкого станка составляли четыре столбика, скрепленные между собой перекладиной (кергич), подробное описание которого дано у известного кавказоведа Е. Шиллинга³. Процесс тканья заключался в том, чтобы каждую нить утка переплетали с каждой нитью основы. На таком станке обычно ткала одна или две мастерицы под руководством одной, в памяти которой был зафиксирован орнамент.

Выявление и изучение богатой орнаментики, требующей особого исследования, представляет немалый интерес для выяснения древних корней истории развития карачаевской культуры и ее преемственности. При этом закономерности орнаментики, характер ее элементов могут быть установлены прежде всего на основе изучения орнаментики золотошвейного дела, декоративных войлочных и тканых изделий, которые играли немаловаж-

¹ А. Атманских. Указ. соч., стр. 107, 111.

² ГМЭ, коллекционная опись, № 7479/10.

³ Журнал «Советская этнография», М., 1936, № 4—5.

ную роль в быту и искусстве карачаевцев и балкарцев¹.

В целом, в карачаевском орнаменте встречаются мотивы растительные, зооморфные, геометрические. Зооморфный орнамент подчас трудно отличается от геометрического. Как и для многих народов, занимающихся скотоводством, самым распространенным центральным узором был бараний рог (къочхар мюйюз), обогащенный рядом элементов: треугольниками, ромбами и лепестками. Стилизация орнаментов ясно вырисовывается в самом названии элементов: «къанатла» (крылья), «къулакъла» (уши), «мойюзле» (рога), «чапракъла» (листья), «локъумла» (квадраты и ромбы), «кёзле» (глаза).

Наконец, следует отметить, что с прядением шерсти и изготовлением кошм в прошлом были связаны различные обряды и суеверия. Трудовой процесс по обработке шерсти у карачаевцев сопровождался почитанием запретных дней: по вторникам, в день св. Георгия, женщины не брали в руки шерсть и не выполняли работы, связанные с шерстью. Верили, что при нарушении запрета случится якобы несчастье, овцы перестанут давать шерсть. По пятницам и субботам мастерицы старались выполнять работу на дому. Многие семьи не позволяли посторонним присутствовать во время укладки орнамента. Если подходил посторонний человек, то мастерицы прекращали работу со словами: «Так случилось». Подошедший в свою очередь отвечал: «Поможем, поступим по обычаю». Мастерицы принимались за работу, а «посторонний» преподносил мастерицам «выкуп» в виде гостинца. Обычай «оставления работы» (иш къю) продолжает сохраняться и в наши дни.

* * *

В дореволюционном хозяйстве Карачая шерстяное производство играло крупную роль. Карачаевские мастерицы производили разнообразную продукцию, удовлетворяющую хозяйственные и культурные потребности народа.

¹ Народы Кавказа М., 1960, т. I, стр. 266.

Не подлежит сомнению, что сохраняющееся у карачаевцев отчасти и сейчас производство различных предметов из шерсти имеет глубокие традиции в его прошлом. Вместе со всем комплексом скотоводческого хозяйства, обработка продуктов животноводства была в недалеком прошлом прочным фактором экономической и культурной жизни карачаевского народа.

ОБРАБОТКА КОЖ И ШКУР

Исключительно важное место в хозяйственном быту карачаевцев до Октябрьской революции занимали домашние промыслы, связанные с выделкой овчины и кожи, из которых изготовляли одежду, обувь, кожаные мешки, сумки и посуду.

Скотоводческое хозяйство в изобилии снабжало горцев сырьем, а накопленный опыт и трудолюбие способствовали изготовлению различных изделий. Обработка овчины и кожи была связана со сложными технологическими процессами. Выделка овчины состояла в следующем: снятую с животного шкуру обсыпали солью и сушили. Затем начинался процесс химической обработки. Для этого шкуру смачивали водой и клали в специальную закваску (эрик), приготовленную из муки, отрубей, соли, уксуса и айрана. Через 7—8 дней овчину вынимали из раствора, промывали и сушили. Для окончательного снятия жира и смягчения кожу смазывали раствором «балата», который состоял из каолина, отрубей и айрана. Через два-три дня очищали солоду и вновь смазывали тем же раствором. Этот процесс повторялся до тех пор, пока очищенный каолин не сохранит свою белизну. Потом овчину переворачивали мехом вверх и раскладывали на влажной земле. Спустя сутки с помощью примитивного инструмента, изготовленного из старой косы, тщательно очищали мездру, а затем разминали на ручной мялке (ире агъач), представлявшей собой железный инструмент дугообразной формы.

В случае надобности снятия шерсти с овчины, кожу смазывали солодовым раствором (бегенелик) и клали в кадушку с эриком. После чего шерсть легко снималась с поверхности кожи (ён алыу). Дальнейшая обработка производилась при помощи стоячей мялки (ёре талкъы) и инструмента (ире агъач). Для беления обсы-

пали мездру каолином или сухими отрубями, последние впитывали влагу и вместе с нею жир. и, таким образом, овчине придавалась белизна и блеск. Наконец, поверхность кожи очищали лезвием старой косы и вновь обминали мялкой и руками.

Обработанную кожу или овчину красили в черный, бежевый или в палевый цвет и смазывали жиром. Овчины, отличающиеся добротностью и хорошей выделкой, шли в большом количестве на изготовление горской одежды и на продажу¹.

Овчины, равно и выделанные изделия — шубы и головные уборы имели разное наименование в зависимости от возраста ягнят, овец, с которых снималась овчина. Так, овчины-смушки трех-десятидневных ягнят назывались «элтир», овчины ягнят до 15 — 20 дней — «тёбеде ойнар», овчины ягнят месячного возраста — «кёрпе» и т. д. Они были очень мягкими, легкими, в основном шли на изготовление шапок (тери бёрк), шуб (тон), которые так и назывались по качеству овчины.

Из овчины ягненка в возрасте одного—четырех месяцев шили также папахи «чырпа бёрк» и «кёрпе бёрк», шубы «чырпа тон» и «кёрпе тон» преимущественно для взрослых мужчин и женщин. Довольно большое применение указанные овчины находили и при изготовлении одеял (тери джууургъан). Крупные овчины использовали на специальные шубы (оба тон), предназначенные для стариков. Овчина пятимесячного ягненка (къыркъма тери), овчина со слабых ягнят (уаджин) и ягнят зимнего и осеннего убоя (джаргъакъ и тюкю тери) в основном шла на шубы, отделанные сукном, шаровары для пастухов, кожаные чулки-ичики (ышым) и т. д.

Обработка кож крупного рогатого скота была почти аналогичной описанному выше способу. Обсыпанная солью свежая шкура сушилась. Затем ее разрезали по линии хребта на две равные половины и в таком виде обрабатывали раствором «балата» и дубили солодом в течение одной или двух недель. После этого шкуры тщательно промывали в проточной воде и сушили. Потом начинался процесс мягчения в массивных горизон-

¹ Газ. «Кубанские областные ведомости», 1898, № 27; газ. «Кавказ», 1912, № 29.

талых мялках (джатхан талкы). Наконец, дубили в кадушке с отваром дубовой коры и после очередной сушки вновь продолжался процесс мягчения.

Если обработкой сыромятной кожи, как и овчины, занимались женщины, то производством изделий из нее занимались почти всегда мужчины. Они изготовляли ремни различного назначения и размера: «джиб» — ремни шириною 4—5 см и длиною 10—15 м, «чынды» — соответственно 9—10 см и 2—3 м, «джантау» — 2—3 см и 5—6 м, «манс» — 6—7 см и 5—6 м.

Хорошо обработанные ремни находили широкое применение при изготовлении сбрун, охотничьих принадлежностей, поясов и других изделий, крайне необходимых в домашнем обиходе.

Отдельные мастера, как Х. Урусов (с. Учкулан), Б. Боташев (с. Карт-Джурт), Чука и Кёккёз Джатдоевы (с. Хурзук), известные как шорные мастера (къайыш устала), пользовались большим уважением среди народа. Были также мастера, которые специализировались на изготовлении плетей (къамчи устала). В Карачае особенно славилась плети, так называемые «теуан къамчи».

Значительная часть сыромятной кожи использовалась для изготовления различной обуви. В дореволюционном быту горских скотоводов зимней обувью служили чабуры (чабырла), изготовление которых было искусством всякого взрослого мужчины. И только летом крестьяне обувались в чувяки (чарыкъла), изготавливаемые женщинами.

Женщины шили также сапоги с острыми носками и высокими каблуками, голенища которых нередко украшали бархатом и галунами. Мастерами-сапожниками в основном работали кумыки. Состоятельные женщины предпочитали заказывать обувь из разноцветной шагрени, доставляемой в Карачай горскими евреями, живущими в с. Джаганас.

В Музее этнографии народов СССР хранятся скудные инструменты карачаевских сапожников и мастериц: шила, иглы, палочки различной длины, колотушка, брусок для правки инструментов, колодки, тончайшие нити-сухожили¹.

¹ ГМЭ, коллекционная опись, № 5683/111.

Каждая горская семья выделявала также сафьян (сахтиян) по несложной технологии. Свежеснятую козью (редко овечью) шкуру обсыпали солью и сушили в течение 3—4 дней. Затем сухую кожу смачивали водой и клали в кадушку с раствором извести, куриного помета и отрубей. Через неделю—две шкуру вынимали из раствора, снимали с нее шерсть, мыли в воде и сушили. Потом приступали к смягчению и снова клали в известковый раствор на неделю. В дальнейшем промывали в проточной воде и в течение трех дней дубили раствором дубовой коры. В результате получалась кожа желтого или бежевого цвета. Затем снимали мездру и вновь погружали в дубильню с добавлением купороса. Этот процесс (эмен ичириу) повторялся до тех пор, пока краска не пропитывалась насквозь. Дубленую кожу тщательно обминали мялкой и руками. Время от времени кожу смазывали курдючным жиром и валяли на плоской доске.

Из козьей шкуры получался сафьян с естественной декорацией (джохар сахтиян), а из бараньей шкуры изготавливалось шевро. При помощи специального станочка-штампа (гебха саут), изготовленного из кости, на поверхность кожи наводили инкрустацию, называемую «гебха». Из сафьяна с узорной инкрустацией шили ички (месси), седельные подушки (джастыкъ), обшивали валенки (уюкъ) и бурки (джамчы). Шевро использовалось на подкладку обуви и на фартуки для жнецов.

Кожи, предназначенные для посуды, обрабатывали особо. Из козлиных шкур выделявали бурдюки (гыбыт); снятие шкуры при этом производилось в цельном, неразрезанном виде, кроме шеи и ног¹. Для хранения зерна изготавливали кожаную посуду (къабчикъ и тулукъ), для хранения молочных продуктов — «гыбыт». Кожаные мешки, без которых не обходилось ни одно горское хозяйство, обрабатывали сильносоленным составом закваски, изготовленной из айрана, золы и отрубей. Это приводило к выпадению шерсти, которую собирали руками и скребком, а затем мешок выворачивали наизнанку и сшивали сухожилиями (тиккич). После чего в мешок вдували воздух и с поверхности счищали мездру, а затем мяли, красили, иногда украшали бахромой.

¹ А. Атманских. Указ. соч., стр. 110.

Сосуды для хранения молочных продуктов изготовляли из козьей шкуры и несколько иначе. Кожу, снятую в чулок, после обработки в закваске смачивали жидкой кашцей, приготовленной из золы твердой древесины (къаты агъач кюл), затем выворачивали мехом во внутрь и засыпали золой. После чего снимали шерсть, чистили скребками, завязывали основания и конечности, вдвухали воздух и просушивали. Наконец, смачивая водой, мяти, после чего погружали в краску, которая изготовлялась из коры ольхи (джерк бояу), и промывали сывороткой. Изготовленные таким образом бурдюки служили для перевозки и хранения молочных продуктов.

Из козьей кожи изготовляли решета, натягивая кожу на деревянную раму и прожигая мелкие дырочки раскаленным шомполом. Из выделанных шкур дикой косули и серны, искусно вырезая при помощи особого станочка «сыбабха», изготовляли тоненькие ремешки «тиккич», используемые для шитья кожаных изделий.

Умели карачаевцы готовить и сухожильные нити (чачакъ халы). Сухожилия конечностей только что забитого крупного рогатого скота тщательным образом просушивали, а затем подвергали процессу дубления. После такой обработки сухожилия легко отделялись друг от друга и скручивались в нити. Сухожильные нити затем использовали для сшивания кожаной посуды.

Следует отметить, что особенностью скорняжного дела в Карачае являлось то, что им занимались как мужчины, так и женщины. В этой связи достаточно указать, что в конце XIX в. в трех селениях Большого Карачая было занято выделкой ремней 300 мужчин, выделкой овчин и шкур—1500 женщин, кожевенным делом—1200 мужчин и 5500 женщин¹.

Кожи и овчины сбывались на месте торговцам-скупщикам, в особенности горским евреям, живущим в Джангасе². Далеко за пределами Карачая находили сбыт смушки домашней выделки, славящиеся качеством курпея³. Например, по свидетельству В. М. Сысоева, в 1897 году из Карачая было отправлено на Полтавскую

¹ Кубанская область — «СМОМПК», вып. VIII, стр. 231, 351—360; Газ. «Вестник казачьих войск», СПб, 1902, № 22.

² А. А т м а н с к и х. Указ. раб., стр. 106—107.

³ Газ. «Кавказ», 1912, № 29.

ярмарку 2700 добротных овчин¹. Исследования Абрамовской комиссии также показали, что в Карачае ежегодно сбывалось кож и овчин на сумму свыше 50 000 рублей². По подсчетам ветврача А. Атманских, доходность от продажи овчины и курпеев вместе с шерстью достигала 400 000 рублей в год, а вывозилось продукции за пределы Карачая на 30 000 рублей³.

В домашнем хозяйстве карачаевцев в незначительных размерах было налажено изготовление мыла (сапын). Для получения щелочи использовались стебли картофельной ботвы и крапивы. При этом смесь воды и золы, картофельной и крапивной, варили в специальных котлах. Полученную массу цедили через фильтр, изготовленный из войлока, и сгусток щелочной массы разваривали с говяжьим жиром. После продолжительной варки на слабом огне к этой смеси добавляли соли и воды, а затем вновь вываривали. В результате получалась черная масса, готовая к распределению по чашкам, напоминающим формы.

В современной этнографической действительности наблюдается резкое сокращение производства и выделки кож и шкур. Выделка овечьих шкур по-прежнему сосредоточена в руках женщин, которые изготавливают шубы и головные уборы.

Из шкур крупного рогатого скота получают кожи, идущие на ремни, подошвы и сбрую. Этим делом заняты в основном мужчины преклонного возраста. Сапожное дело, к которому тесно примыкает и шорное, в современных условиях приобрело новое значение. Упряжь и сбруя покупаются в магазинах, а ремонтируются в колхозно-совхозных мастерских — бытовых комбинатах. В домашних условиях сохранилось лишь только изготовление войлочных зимних сапог (кийиз уюкъ) и летних ичигов (месси), служащих обувью для людей старшего поколения.

Более массовым в употреблении горцев остается овчина, изделия из которой все еще в значительной мере используются для изготовления шуб, тулупов и головных

¹ В. М. Сысоев. Указ. соч., стр. 61.

² Труды комиссии., стр. 322—323.

³ А. Атманских. Указ. соч., стр. 112.

уборов. При этом горские женщины не только сохраняют традиционные формы покроя, но охотно используют и современные модели.

МОЛОЧНОЕ ХОЗЯЙСТВО

С ведением скотоводческого хозяйства у карачаевцев непосредственно связано использование и обработка молочных продуктов. Молочное хозяйство (акъ джыйыу) с незапамятных времен составляло необходимое и любимое занятие карачаевцев, а потребление молочных продуктов в различных видах являлось главным в пищевом режиме народа¹. «Главная пища карачаевцев на коше — молоко во всех его видах: пресное, квашеное, сырое, приготовленное при помощи только у них разводимых грибков и называемое кефир, и квашеное — топленое, называемое айран, затем сыр и масло»², — писал специалист по молочному хозяйству А. А. Кирш, с именем которого связаны первые сыроваренные заводы на Северном Кавказе.

«Пастухи часто целыми месяцами не едят ничего, кроме молока, масла, сливок, сыра и айрана, и чувствуют себя очень хорошо»³, — замечал путешественник, побывавший в Карачае в начале XX в. То же самое отмечали о горцах Балкарии исследователи И. Иванюков и М. Ковалевский⁴. Атаман Баталпашинского отдела в своем отчете за 1904 год также свидетельствовал, что горцы-скотоводы «почти круглый год питаются кислым молоком и мясом животных»⁵.

Карачаевское молочное хозяйство, унаследовав богатый опыт своих предшественников, выработало «многообразные приемы в деле обращения с молоком»⁶.

¹ Б. М. Городецкий. Очерки по кубановедению. — «Кубанская школа», 1915, № 5, стр. 304.

² Материалы для устройства казенных летних и зимних пастбищ и для изучения скотоводства на Кавказе, т. I, Тифлис, 1887, стр. 63—64.

³ М. Б. Лето на Кавказе. — «Русская мысль», № 5, М., 1904, стр. 57.

⁴ И. Иванюков и М. Ковалевский. У подошвы Эльбурса, стр. 88.

⁵ ГАКК, ф. 454, оп. 2, ед. хр. 1647, л. 624.

⁶ В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий. СПб, т. II, 1899, стр. 934; Материалы для устройства казенных летних и зимних пастбищ... т. II, Тифлис, 1890, стр. 19.

Сохранив в общих чертах ряд способов изготовления молочных продуктов, которые характерны для многих тюркоязычных народов¹, издавна занимающихся скотоводством, карачаевцы в широком ассортименте употребляли молоко и молочные продукты. Названия молока и молочных продуктов — общетюркские и встречаются в текстах древнетюркской письменности².

Самое большое распространение в хозяйстве карачаевцев имело коровье молоко (ийнек сют), затем — овечье (кьой сют) и козье молоко (эчки сют). Особым почетом и уважением пользовалось буйволичье молоко (гаммеш сют). Однако карачаевцы сырое молоко употребляли крайне редко³. Молоко, после соответствующей обработки, давало целый ряд продуктов. Для того, чтобы предотвратить молоко от порчи, его тотчас же по выдойке кипятили и после кратковременного отстоя обращали в айран — в основной молочный продукт⁴. Об этом имеется целый ряд свидетельств. Так, в своей заметке ветврач Кара-Висильев писал: «Многие семьи питаются исключительно айраном»⁵.

Напиток айран, имеющий широкий ареал использования народами Европы и Азии, приготовленный карачаевскими пастухами на замечательных альпийских пастбищах, обладает исключительной питательностью и лечебными свойствами⁶.

Подчеркивая высокие питательные качества айрана, врач Г. Демьянов отмечал: «Своим долголетием кара-

¹ В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий, СПб, том IV, 1905, стр. 834.

² С. М. Малов. Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951, стр. 423; В. В. Радлов. Опыт словаря... т. II, стр. 934, т. IV, 1905, стр. 834.

³ И. С. Щуккин. Материалы для изучения карачаевцев... стр. 54.

⁴ А. А. Атманских. Карачаевский айран. Баталпашино, 1915, стр. 6.

⁵ Кара-Васильев. Заметка об айране. «Вестник общественной ветеринарии», М., 1907, № 16; «Вестник бальнеологии, климатологии и физиотерапии», М., 1910, № 11—12, стр. 512—513.

⁶ Труды Кубанского отделения русского технического общества, вып. IV, Екатеринодар, 1915, стр. 52—57; И. И. Аншельс. По горам Кавказа.— «ЗККГК», Одесса, вып. I, 1910, стр. 25; А. А. Атманских. Карачаевский айран, стр. 3—10; Его же. Скотоводство в Карачае... стр. 7; А. Н. Дьячков-Тарасов. Антрополого-этнографическое исследование как один из факторов подъема культуры в национальных областях Северного Кавказа.— «БСККГНИИ», Ростов-на-Дону, 1927, № 1, стр. 9.

чаевцы обязаны как горному целебному воздуху, так и целебным свойствам айрана»¹. «Айран и кефир — это нектар каждого истого карачаевца, напиток действительно вкусный»², — отмечал А. А. Кирш.

Карачаевцы, как и многие тюркские народы, приготавливают айран из кипяченого цельного или снятого молока коров, овец и коз и буйволиц. Для этого кипяченное молоко остуживают до температуры, когда погруженный палец чувствует тепло немногим выше парного молока, и тогда на одно ведро молока кладется столовая ложка свежего айрана предыдущего приготовления и тщательно перемешивается. Так как в тепле закваска действует гораздо лучше, то котел, в котором заквашено молоко, окутывают тряпками. Через 10 — 12 часов молоко скисает, образуя густой студнеобразный продукт, называемый «джуурт»³.

Путем тщательного перемешивания джуурта получается так называемый сладкий айран (татлы айран), представляющий главный пищевой продукт карачаевцев. В таком виде он очень вкусный и питательный. Его подают на стол с лепешками «гырджын».

В летнее время айран широко употребляется как прохладительный напиток для утоления жажды, тогда он разбавляется сырой водой и называется «сусаб» или «джукъа айран»⁴. Согласно поверью, пить воду на кошу подлежало запрету (ырыс). В противном случае старики говорили: «Губишь благополучие коша!».

При старении айрана (джуурта) получается кислое молоко (кючлю айран). Замечено, что сильное брожение айрана наблюдается при комнатной температуре и в непогоду.

¹ А. А. Атманских. Карачаевский айран, стр. 3.

² Материалы для устройства казенных летних и зимних пастбищ... т. I, Тифлис, 1887, стр. 64.

³ Н. С. Иваненков. Карачаевцы... стр. 68; А. А. Атманских. Карачаевский айран, стр. 5; См. также: В. В. Радлов. Опыт словаря... т. IV, стр. 834.

Молочный продукт «джуурт» известен во многих странах Европы (Болгарии, Румынии, Венгрии) и особенно среди тюркских народов Азии. Распространителями его были древние турки.

Карачаевцы тоже могли познакомиться с употреблением айрана еще в глубокую древность от своих предков — турок. Шуточная поговорка гласит: «Отдели карачаевца от веры, но не от айрана» (Н. Я. Дыниш. Горцы и устья Кубанской области... стр. 336).

⁴ А. А. Атманских. Указ. соч., стр. 5.

Ввиду того, что молоко овцы имеет большую жирность, способ приготовления айрана из него отличался тем, что овечье молоко перед кипячением разводилось водой в пропорциях двух ведер молока и одного ведра воды¹.

Из осеннего приготовления айрана обычно на зиму готовили запасы соленого айрана (тузлукъ). Для этого в течение нескольких дней собирали айран и подвергали стерилизации путем нагревания и отъема сыворотки (хуппеге), а затем полученную молочную массу просаливали в деревянных кадушках (тузлукъ джыккыр), «кладя на ведро четверть фунта соли»². В течение всей зимы тузлук являлся основным молочным продуктом, употребляемым с лепешками, а также служил приправой к различным кушаньям³. Тузлуком, приготовленным посолкой в небольшом количестве из свежего айрана, обливали баранину, предназначенную для шашлыка.

Большой интерес представляет изготовление кефира (гыпы), издавна являющегося прекрасным напитком и пищей карачаевцев. Существует довольно обширная литература, указывающая как на родину кефира окрестности Эльбруса, в частности Карачай⁴. Известный краевед Е. Д. Фелицын отмечал в 80-е годы

¹ А. А. Атманских. Животноводство в Карачае, Кубанской области... стр. 110.

² Н. С. Иваненков. Карачаевцы... стр. 68; А. А. Атманских. Карачаевский айран, стр. 6.

³ И. С. Шукин. Материалы для изучения карачаевцев... стр. 54—57.

⁴ Проф. Э. Э. Керн. О ферменте кефира.— «КОВ», 182, № 42. 44; То же.— «Медицинское обозрение», 1882, № 1; А. А. Кириш. Очерки сыроваренных заводов на Сев. Кавказе, Тифлис, 1887, стр. 64; его же. Очерки развития сыроварения у казаков и горцев Северного Кавказа.— «КОВ», 1883, № 44; Г. Петров. Верховья Кубани — Карачай... стр. 144; А. Калантар. Из речи на заседании съезда по скотоводству и молочному хозяйству.— «КСХ», 1901, № 400, 407; Энциклопедический словарь Ф. Брокгауза и И. Ефрон, СПб., 1895, т. 15, стр. 36—39; Новый энциклопедический словарь, стр. 536, 538; «ИКОРГО», т. XV, Тифлис, 1902, стр. 30; Н. П. Тульчинский. Пять горских обществ Кавказа. Владикавказ, 1903, стр. 200; Газ. «Кавказ», 1908, № 178; А. Н. Дьячков-Тарасов. Антрополого-этнографическое исследование... стр. 9—10; его же. Карачаевские кефирные зерна и перспективы их использования.— «БСКГНИИ», Ростов/Дон, 1927, № 2—4, стр. 56—50; А. А. Атманских. Скотоводство в Карачае... стр. 6; Л. И. Волков. Кефирные грибки Карачая — «ЗСКГНИИ», т. II, Ростов/Дон, 1929; У. Алиев. Карачай... стр. 111; В. П. Невская. Социально-экономическое развитие Карачая... стр. 22.

XIX в., что кефир имеет самое широкое распространение «преимущественно у карачаевцев»¹. Г. Ф. Чурсин называл кефир национальной пищей карачаевцев². «Нельзя забывать,— писал в 20-е годы нашего столетия А. Тарасов,— что родиной кефира, кефирного молока считается Карачай. Только здесь можно купить в засушенном виде, похожие на крупную дробь, кефирные грибки («капир» по-карачаевски)»³.

Вопрос о происхождении кефирных грибков остается открытым. Не будучи в состоянии объяснить происхождение кефирных зерен, исследователи не раз обращались с распросами к карачаевцам. Но в большинстве случаев получали один и тот же ответ, что кефир готовится ими уже с незапамятных времен при помощи зерен (гыпы урлукъ), но откуда взялись эти зерна, никто не знает. Некоторые попытки дать объяснение несколько наивны (о превращении кусочков сыра, выращенных в свежем молоке, о том, что комочки кефирных зерен приходилось находить растущими на каком-то кустарнике, высоко в горах, под самой снеговой линией и т. д.). Несколько заслуживает внимания, на наш взгляд, легенда о происхождении зерен в кожаном сосуде — бурдюке⁴, хотя бы потому, что слово кефир «гыпы» следует объяснить как производное от «гыбыт» (бурдюк)⁵. Именно под названием «бурдючного» был распространен кавказский кефир во второй половине XIX и в начале XX в.⁶. Небезынтересно привести высказывание исследователя кефирных грибков д-ра Дмитрова о том, что кефирный грибок есть видоизмененная в бурдюке закваска кумыса. К своему предположению о том, что специфические кефирные зерна получили свое начало в бурдюке, он пришел в результате заквашивания кефирными зернами кобыльего молока и получения прекрасного кумыса⁷.

¹ Газ. «Кубанские областные ведомости», 1882, № 42.

² Г. Ф. Чурсин. Поездка в Карачай... стр. 17.

³ А. Тарасов. Карачаевские очерки. — «Северо-Кавказский край», № 9, Ростов-на-Дону, 1925, стр. 84.

⁴ А. А. Атманских. Молочное хозяйство в Карачае... стр. 28.

⁵ Кефир — «Новый энциклопедический словарь», стр. 536—538.

⁶ Газ. «Ленинни байрагы», Черкесск, 1968, 1 октября.

⁷ Энциклопедический словарь Ф. Брокгауза и И. Ефрон, т. 15, стр. 36.

Название кефир проф. Э. Э. Керн считал производным от тюркского слова «кеф», что значит пена, а «кефли» — бодрый, веселый, отсюда кефир — веселящий¹. В результате микроскопического и морфологического анализа бактерий кефирного грибка Э. Э. Керну удалось открыть совершенно новую, дотоле неизвестную в науке, молочно-кислую подвижную бактерию, которую он назвал *Dispora Caucasiza* или по-карачаевски Гюппе².

Кефир был открыт научным миром сравнительно недавно. Он был обнаружен в молочных бурдюках карачаевцев, пасущих свои стада в окрестностях Кисловодска. Об этом в 1867 году доктор Джогин сделал небольшое сообщение в Кавказском медицинском обществе. Открытие доктора Джогина заинтересовало научные круги не только в России, но и за рубежом³.

Кефир применялся в народе как питательный, так и целебный, и прохладительный напиток. «Кефир, — писал Э. Э. Керн, — является у горцев не только общепотребительным веществом, но пользуется в их среде и славою целебного средства. По уверениям горцев, целебным силам кефира поддаются как малокровие, золотуха, болезни желудочно-кишечные, так и изнурительные страдания органов дыхания, даже легочная чахотка»⁴. И далее исследователь отмечает: «Слава целебной силы кефира начала мало-помалу распространяться и за пределы аулов; теперь знают о кефире уже во многих городах Кавказа (в Пятигорске, Ставрополе, Владикавказе, *Тифлисе), а в последние годы и врачи Кавказской группы минеральных вод обратили свое внимание на целебные силы кефира»⁵. Первые опыты лечения больных кефиром, проведенные в конце 70 х годов прошлого столетия доктором П. М. Борисовым на Ессентукской группе курортов, были не безуспешны.

Первое кефирное заведение было открыто в 1884 году в Тифлисе⁶, а в 1904 году — в Москве⁷. Таким обра-

¹ Проф. Э. Э. Керн. О ферменте кефира...

² Там же.

³ В. Игнатъев. Кефир — «Энциклопедический словарь»... стр. 36—39.

⁴ Проф. Э. Э. Керн. Указ. соч.

⁵ Там же.

⁶ А. А. Калантар. Молочное хозяйство на Кавказе. — «КСХ», 1901, № 407.

⁷ А. Кишкин. Зерна Магомеда, Газ. «Труд», 1968, № 28.

зом, впервые вывезенный из Карачая во второй половине XIX в., кефир получил широкую известность и добрую славу далеко за пределами Кавказа¹. Но, как отмечал в свое время Н. П. Тульчинский, кефир в самом большом количестве использовали в Карачае². Как показали исследования карачаевского кефира, проведенные в 20-е годы нашего столетия, удалившись от своей прародительской среды — нагорной полосы Северного Кавказа, — кефирный организм выродился, потерял силу и лечебные качества³.

Приготовление кефира у карачаевцев производилось следующим образом: в кожаный бурдюк наливался парное коровье (главным образом козье и овечье) молоко (лучшим считается козье или овечье) и для закваски бросается горсть кефирных грибков в виде комочков. После этого бурдюк тщательно взбалтывают и затем кладут в прохладное место или накрывают кошмами. Для кефирных грибков свежее молоко служит питательной средой, поэтому они начинают «жить и размножаться», а через несколько часов напиток считается готовым к употреблению. По мере того как кефир сливали из бурдюка для употребления, его снова дополняли свежим молоком. Но через сутки-полтора кефир подвергался сильному брожению, поэтому его выливали из бурдюка в деревянную кадушку, а кефирные комочки промывали водой, затем сушили для последующей закваски. Комочки кефира, называемые «урлукъ» (семена), имеют шарообразную или эллиптическую форму, величина которых колеблется между 2—5 мм. Опыты показали, что для приготовления кефира весьма важную роль играет температура. Оптимальной температурой считается 12—15 градусов тепла. При более высокой температуре скисает слишком быстро, и казеин в виде крупных хлопьев оседает.

Обычно в каждой семье имелся запас грибков в сушеном виде. Но в случае истощения запаса достать их было нелегко, так как в обращении с кефиром у карачаевцев бытовал табу (ырыс), запрещающий уступку грибковых зерен другому хозяину. Поэтому соседи прятали грибки друг от друга и не рассказывали о своих

¹ А. А. Калантар. Указ соч.

² Н. П. Тульчинский. Указ. соч., стр. 220.

³ Л. И. Волков. Кефирные грибки Карачая...

действиях с кефиром. Существовало поверье, согласно которому считалось, что при уступке грибка «неминуемо последует гибель оставшейся части»¹. Чтобы получить кефирные зерна соседние коши прибегали к магическому обряду «гыпы урлау» — «похищение кефира». Верили, что при этом злой дух будет обманут и все обойдется благополучно².

В силу этих причин, нам кажется, кефир долгое время оставался вне поля зрения этнографического исследования. О чем в конце XIX в. писал В. Игнатьев: «До последнего времени добыть эти кефирные зерна представлялось крайне трудным делом»³.

Со скотоводческим бытом было непосредственно связано и приготовление другого вида айрана, называемого «булгъама» или «айландыргъан», о котором в историко-этнографической литературе ничего не сказано. Перестали употреблять его в 70-е годы прошлого столетия⁴. Приготовление и употребление «булгъама», буквально — кручёнки было обусловлено необходимостью обеспечения скотоводов молочной пищей во время скотопрогона весной и осенью. Готовили крученку исключительно из овечьего молока с помощью особой закваски. Для этого свежее молоко, слегка подогретое в медных казанах⁵, переливали в деревянный сосуд и в течение нескольких часов с помощью деревянной лопаточки подвергали тщательному перемешиванию (взбалтыванию), а затем полученную таким образом густую пенистую массу в течение продолжительного времени содержали в покое. Отстоявшаяся масса становилась настолько густой, что для употребления ее резали на отдельные ломтики. К сожалению, причины исчезновения этого продукта из хозяйственного быта карачаевцев остались неизвестными.

Сливки в Карачае готовили нескольких сортов. Для получения сладких сливок (чий сютбаш) молоко отстаивали в плоских деревянных чашах (чара) или

¹ Н. П. Тульчинский. Указ. соч., стр. 220; Г. Ф. Чурсин. Материалы по этнографии Абхазии. Сухуми, 1957, стр. 95.

² А. Н. Дьячков-Тарасов. Карачаевские кефирные зерна... стр. 56.

³ В. Игнатьев. Кефир. «Энциклопедический словарь», стр. 36.

⁴ Газ. «Ленинни байрагъы», Черкесск, 1968, 1 октября.

⁵ А. А. Атманских. Молочное хозяйство в Карачае... стр. 20.

медных котлах, верхний слой снимали специальной ложкой, называемой «сютбаши аулаучу».

С топленого молока снимали пенки (къаймакъ), которые по сравнению со сливками отличались густотой и долго сохранялись¹. Для получения каймака молоко кипятили продолжительное время, а затем ему давали постепенно остыть на слабом огне, по мере образования верхнего густого слоя его снимали и сушили. Сухой каймак хорошо сохранялся на зиму, поэтому его употребляли на кошу в то время, когда коровы не доились. Часть продукта отправлялась в селения. Сложенный в деревянные кадушки, каймак заливали медом, получался продукт «бал къаймакъ», служивший лакомством праздничного стола². Другой способ получения каймака заключался в том, что молоко кипятилось на огне досуха, получалась желтая масса, которую затем сушили.

Масло изготавливали из сливок, сметаны и «хамеши» — сплывшейся за время закваски пенки свежего айрана. Для непосредственного потребления готовили сливочное масло (джангы джау). Значительную часть сливочного масла обращали в топленое (къайнагъан джау). Масло сбивали посредством лопаточки в больших деревянных чашках (чара), а также в бурдюках и длинных маслобойках (сютбаши джыккыр), выдолбленных из ствола дерева. В конце XIX в. в карачаевские селения стали проникать деревянные бочечные маслобойки³, используемые и в современном быту. Наиболее древним, первоначальным способом получения масла следует считать бурдючный. Сбивание масла требовало затраты значительного времени и усилий, поэтому бурдюк привязывали двумя концами к потолку и приводили в движение. Иногда скотоводы сбивали масло прямо на полу. Процесс этот часто сопровождался исполнением старинной трудовой песни, посвященной покровителю крупного рогатого скота⁴. В песне воспе-

¹ А. А. Атманских. Молочное хозяйство в Карачае., стр. 20.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Эски къарачай джырла. Микоян-Шахар, 1940, стр. 147; А. И. Караева. О фольклорном наследии карачаево-балкарского народа, стр. 29, 56—59.

вался образ веселого божества Долая, который так таинственно превращает сметану в масло¹.

Сыры изготавливали в основном из цельного или снятого коровьего молока. Из овечьего молока получали наиболее качественный сыр (кьой бышлакъ) и высокопитательную брынзу (кьой сюзме). Из айрана вырабатывали творожную массу (сюзген бышлакъ).

Процесс приготовления сыра карачаевцами имеет много общего с соседними кавказскими народами. Он состоял из следующих этапов: свежее молоко процеживали через фильтр (гадура), сделанный из пучка соломы или травы, а затем его подогревали в медных казанах до температуры 40—45 градусов и заквашивали сычужной жидкостью (мая суу). Закваской служил сычуг забитого шести-седмидневного ягненка или козленка, реже теленка. Для этого сычуг солили, держали в айране и высушивали. По мере надобности из сычуга, заливая сывороткой, готовили пужное количество настоя. На ведро молока вливали 2—3 ложки закваски. Посудой для заквашивания молока служил медный казан. Створоженную массу тщательно взбалтывали, через некоторое время осадок собирали, отжимали сыворотку и помещали в формы из ивовых прутьев или полотна, а затем укладывали на специальный сырный стол (бышлакъ табха), где подвергали прессованию. Для продолжительного хранения сыр солили и укладывали в деревянные кадушки с рассолом сыворотки. Копченый сыр (гыбыт бышлакъ) сохранялся в бурдюке. Другой вид сыра готовился таким образом: створоженную массу укладывали в бурдюк, а затем в нем же спрессовывали до вызревания. В случае надобности его доставали из бурдюка по частям².

Горные пастбища Карачая с их альпийской флорой способствовали получению высококачественных продуктов животноводства. Об этом свидетельствуют высказывания многих ученых. Газета «Вестник казачьих войск» отмечала, что «сыр, масло, молоко, айран и

¹ Эски кьарачай джырла. Микоян-Шахар, 1940, стр. 147; А. И. Караева. О фольклорном наследии карачаево-балкарского народа, стр. 29, 56—59.

² А. А. А т м а н с к и х. Молочное хозяйство в Карачае... стр. 20.

мясо получают отличного качества и поразительно питательны¹. Карачаевские сыры «по своему аромату, сладости и пикантности», писала другая газета, напоминали настоящие швейцарские сыры². Именно поэтому не случайно, что первые сыроваренные заводы на Северном Кавказе были открыты в нагорной полосе Кубанской области. Специалист по молочному хозяйству А. А. Кирш «при содействии частных капиталистов и местного начальства устроил сперва одну, а затем еще две сыроварни»: в 1880 году в Боргустане, а в 1881 году — в Джегуте и Кувинском, затем в 1883 году — в станице Передовой³. По словам специалистов, богатая кавказская флора благоприятно сказывалась на вкусе голландского и швейцарского сыров, изготовленных на этих заводах, которые получили «права гражданства на заграничных рынках»⁴. За образцы джегутинского сыра, представленные на Всероссийской выставке, Петербургское собрание сельских хозяев наградило большой серебряной медалью завод и специалиста А. А. Кирша⁵.

С давних времен Карачай являлся крупным поставщиком масла и сыра в меновые дворы и рынки окрестных городов и станиц. Так, по данным Абрамовской комиссии, ежегодно из Карачая вывозилось 6600 пудов масла на сумму 66 тыс. рублей⁶.

Таким образом, рассмотрение вопросов молочного хозяйства в Карачае свидетельствует о том, что оно является для местного населения традиционным, а также позволяет говорить о высоком уровне производства продуктов животноводства. Следует также подчеркнуть, что на примере изготовления ряда молочных продуктов отчетливо выступают культурная общность карачаевцев с другими скотоводческими народами Кавказа и генетическая связь с древнетюркскими народами.

¹ Газ. «Вестник казачьих войск», 1902, № 3, 1903, № 264

² ЦГИА, ф. 398, оп. 47, д. 15343, л. 3.

³ Газ. «Кубанские войсковые ведомости», 1883, № 44.

⁴ С. Х. Ходжаев. Сыроваренные заводы на Северном Кавказе. Тифлис, 1887, стр. 2; ЦГИА, ф. 398, оп. 47, лл. 29—30.

⁵ Материалы для устройства казенных летних и зимних пастбищ..., стр. 78.

⁶ Газ. «Отклики Кавказа», 1909, № 36.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Скотоводство горцев Кубанской области (1860—1900 гг.) . . .	3
К истории домашних промыслов карачаевцев	23
Шерстяное производство .	24
Обработка кож и шкур .	51
Молочное хозяйство . . .	57

* * *

*Бесленев Али Джемальевич
Шаманов Ибрагим Магометович*

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ ХОЗЯЙСТВА И ХОЗЯЙСТВЕННОГО БЫТА ГОРЦЕВ КУБАНСКОЙ ОБЛАСТИ (Вторая половина XIX века)

Редактор Б. О. Джанибеков. Обложка художника В. В. Додэ.
Художественный редактор М. П. Бартник.
Тех. редактор Г. М. Хомякова. Корректор С. К. Аникеев.

Сдано в набор 14-X-1971 г. Подп. к печ. 1-11-1972 г. Формат 84x108¹/₃₂. Физ. п. л. 2,125. Усл. п. л. 3,57. Уч.-изд. л. 3,58. ВУ 92035. Тираж 2 000 экз. Заказ № 4775.
Цена 9 коп.

Карачаево-Черкесское отделение Ставропольского книжного издательства,
Черкесск, Дом печати.
Карачаево-Черкесская областная типография, Черкесск, Первомайская, 47.

9 коп.